

ЭДУАРД ВЕРКИН

КУСАТЕЛЬ ВОРОН

Провинциальная трилогия

Эдуард Веркин
Кусатель ворон

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Веркин Э. Н.

Кусатель ворон / Э. Н. Веркин — «Эксмо»,
2019 — (Провинциальная трилогия)

ISBN 978-5-04-091925-3

Эдуард Веркин — один из ярких современных российских авторов, лауреат престижных литературных премий, настоящий наследник традиций Чехова, Платонова, Лема, братьев Стругацких, Дика, Брэдбери. В 2012 году роман Веркина «Друг-апрель» был включен в список выдающихся книг мира «Белые вороны», составляемый Мюнхенской международной детской библиотекой. Роман «Кусатель ворон» поначалу строится как классическая «роуд стори»: приключения подростков во время путешествия по Золотому кольцу. Но постепенно одно происшествие за другим вскрывают привычную им реальность. Мир перестает подчиняться правилам.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091925-3

© Веркин Э. Н., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	23
Глава 4	26
Глава 5	35
Глава 6	38
Глава 7	46
Глава 8	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Эдуард Веркин

Кусатель ворон

© Веркин Э., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Часть первая Золотое кольцо

Глава 1 «Turistas! Go Home!»

Тег «Культура».

Сидеть бы мне дома, так нет, потащился.

Сидеть бы мне дома, июнь к концу, вот-вот колосовики пошли бы, и рыба, не размякшая от пришедшего зноя, еще клевала, и вообще, жизнь! Так нет, потащился.

Зачем?

Амбиции. Гордыня. Зависть. Возжелал плюнуть ближнему своему в физиономию лица его. Возжаждал возвыситься и вознестись, чтобы все ко мне приходило, а я им в глаза показывал бы кукиш и громко хохотал с превосходством, ну, это если совсем по-простому объяснять. Как-то так.

– Как-то так, – сказал Жмуркин и достал из кармана пистолет.

Вот уж такого от него точно не ожидал. Пистолет... Зачем ему пистолет?

Ну да. Амбиции, гордыня, в глаза плевать, перстень целовать, понятно. Это же Жмуркин, он же всегда такой.

Жмуркин ухмыльнулся.

Художники настороженно переглянулись. Не ожидали, конечно, не ожидали, я сам не ожидал.

Пистолет.

Бомм!

Такой долгий протяжный звук, бронзу опять дернули за язык, малиновый звон поплыл, хотя и полдень. В церкви звонили, в самой известной, в покосившейся, как Пизанская башня, красиво так звонили. И вообще тут красиво, горка, горки, трава, Волга, теплоход тащится справа налево, а на другом берегу уже Кострома со своей дичью, и вообще благодать. Тощий чугунный Левитан, широкий бронзовый Шаляпин взирают на скучных потомков с послеобеденной приветливостью... Зачем тут пистолет?

Зачем вообще все это? От Дитера не ожидал, если честно. Пятахин да, ходячий трабл-генератор, ну, Лаурыч тоже, мог вполне с дебаркадера в водоросли свалиться, Иустинья опять же с утра подозрительно глазками поблескивала... Но Дитер? Дитер-Дитер.

Немец.

Живописец.

В конце концов, инвалид.

И на тебе, учудил.

Вот и верь после этого.

– Ну, что, рембранты, стоит вам отступить, пожалуй, – посоветовал Жмуркин. – И вон по той каменистой тропинке прямо под горку, под горку, ножками, там прекрасная чайная с бесплатным лимоном. Выпейте чаю, поспорьте о Малевиче, я, право, оплачу...

Жмуркин достал пятьсот рублей, скомкал, швырнул в сторону живописцев.

Это он зря, подумал я. Художники – народ трепетный, побыют. Ладно нас, мы люди русские, привычные, но ведь и Дитеру отсыпется. В обязательном порядке, по щцам его по бестолковым. А это международный скандал, между прочим.

Я представил заголовки в какой-нибудь там «Зюддойче Цейтунг».

«Русские ортодоксы избивают малолетних туристов-инвалидов».

«Русское brutальное насилие над юношей из Бохума».

«Загадочного русского душа» – это не в тему, но красиво.

– Бегите, пока я добрый, – продолжал Жмуркин. – А то как-то некрасиво, я в Дантесы не записывался...

– А мне вот кажется, мы сейчас надаем вам по морде, – перебил Жмуркина предводитель художников Ривейра. – Пистолетик-то у тебя игрушечный.

– Игрушечный? – Жмуркин ухмыльнулся роковой улыбкой уездного монте-кристы. – Ну ладно, сейчас вот мы и посмотрим...

Жмуркин выстрелил. Невысокий художник в коротких шортах подпрыгнул и ойкнул, оранжевая пластиковая пуля укусила его в ляжку, отскочила в траву.

– Я же говорил – игрушечный! – ухмыльнулся главный рембрант. – Ну, все...

– Стоять! – рявкнул Жмуркин начальственно. – Кто не хочет провести чудный вечер в обезьяннике – стоять!

Но обезьянником живописцев было не испугать, они дружно шагнули к нам и стали нас бить. А начиналось все более-менее прилично, во всяком случае, утром ничего беды не предвещало.

Въехали в Плёс часов в десять, остановились на высоком берегу с видом на заводь, Жмуркин велел Штурмгеботу бросать якорь, сам взял автобусный микрофон и прочитал непрременную лекцию, которую я, разумеется, вкратце записал, историческую такую.

– Это Плёс, старинный русский город, – рассказывал Жмуркин. – Тут течет великая русская река Волга. Раньше на этом месте устраивал свои засады известный русский разбойник Степан Разин...

– Тетка! – не преминул вставить Пятахин.

Хотя Пятахин не Степан, он Влас, впрочем, он сам, наверное, не разбирает.

– Некоторые считают, что именно здесь атаман спрятал свое золото и утопил пресловутую персидскую княжну.

– Что? – переспросила у меня Александра.

– Подружку свою затопил, – пояснил я. – В реке. Вот прямо здесь.

– Зачем? – удивилась Александра.

– Загадочная русская душа, – сказал я. – А вообще она слишком много знала.

– Как его звали? Стефан?

– Стефан, Стефан, – подтвердил я. – Стефан Разин-Беобахтер, олдест рашн диссидент.

– О, – восхитилась Александра и записала данные Разина в планшет.

– Кроме того, здесь жили и другие выдающиеся русские люди, – продолжал лекцию Жмуркин. – Шаляпин – известный бас-виртуоз, Левитан – он нарисовал «Над вечным покоем». Сюда частенько приезжал Чехов, отдохнуть на воды после московских премьер.

– Сам Чехов? – заинтересовалась Александра. – «Чайка»?

– Сам Чехов, – подтвердил я. – На дачу. Вон там.

Я указал куда-то пальцем.

– Это вообще очень популярный город, русский Баден-Баден, – прошептал я. – Жаль, что мы тут всего лишь на день. Кстати, Дитеру будет здесь особенно интересно – сюда со всей России на этюды съезжаются художники...

Жмуркин пронзил меня взглядом, я замолчал, не стал мешать, и Жмуркин закончил мини-лекцию:

– Одним словом – это прекрасный маленький городок, где отдыхает современная российская элита, куда приезжают поэты и художники-авангардисты... Сейчас небольшой завтрак, а потом до трех часов можете осматривать памятники истории. Волга, кстати, теплая, вон там

справа есть цивилизованный пляж, кто желает, может окунуться. Лаура Петровна, кофе, пожалуйста.

Жмуркин повесил микрофон на крючок.

– Художники-авангардисты? – переспросила Александра.

– Они рисуют гвоздями, – на всякий случай ответил я.

Лаура Петровна разогрела кофе и настругала традиционных бутербродов – черствый батон и кругляки жесткого сервелата; как ни странно, бутерброды ели все, включая немцев, а я в очередной раз убедился, что в мире есть много удивительного. Вообще по плану у нас был завтрак в прибрежном кафе, но мы решили времени не терять, Жмуркин раздал суточные, после чего господа путешественники отправились грабить город и бесчинствовать в нем же.

Первой, разумеется, Лаура Петровна. Она поправила прическу, украсила себя золотом и бижутерией, опрыскалась дезодорантами и лаком, прихватила под мышку Лаурыча и стала спускаться на город неудержимой лавиной, сверяясь с картой и указывая Лаурычу на вырастающие из зарослей сирени достопримечательности прежних веков.

За Лаурой Петровной потянулись немцы, но не вместе, а порознь: сначала Дитер с пластовым мольбертом, за ним Болен с рюкзаком – лично я подумал, что там у него акваланг, вряд ли Болен пропустит возможность нырнуть в Волгу, потом в своей Тюрингии расскажет, что был в Сталинграде.

За Боленом шагала задумчивая Александра. Я хотел было ее догнать, рассказать что-нибудь о русской истории, о Левитане и левитации, и вообще, как-никак Плётс, золотой век империи и все такое, но Жмуркин меня задержал. В итоге за Александрой поплелся унылый Гаджиев. Не знаю, с чего он опять пребывал в унынии, возможно, его степная душа тосковала по прежнему. По степям, камышовым плавням, кумысу, лихим посвистам и резвым аргамакам, по тому времени, когда Волга была не Волга, а вовсе Итиль, поток, стремящийся в небесное царство, а здесь, на месте нынешних буржуйско-купеческих домиков ломился какой-нибудь караван-сарай, он ведь наверняка куда-нибудь ломится. Грустный, короче, Гаджиев был.

Снежана и Листвянко, конечно же, взялись за руки и пошлепали в город беззаботно, смеясь и фотографируя друг друга на мобильники, я им позавидовал, всегда завидуешь счастливым, главное, чтобы прыщи от счастья не повыскакивали.

В город отправились и баторцы, Рокотова и Герасимов. Эти шагали неуверенно, испуганно озираясь и непривычно оглядываясь на простор и волю.

Иустинья Жохова никуда не пошла, осталась в автобусе и принялась упражняться духовными упражнениями, читать книги, сразу две, левой рукой толстую черную и тонкую белую правой, и выписывать из них в блокнот важное, праведные мысли наверное. Под голову положила бордовую подушечку, явно собственноручно вышитую спасительными псалмами.

Ну и шут с ней, будет кому автобус посторожить: придут местные бандитос, увидят Иустинью и передумают нас грабить. Глядишь, еще и сама парочку гангстеров в свою секту завербует.

Последним собрался Пятахин, зачем-то надел расклешенные джинсы и белую футболку, а еще с удовольствием посадил на пояс довольно пухлую борсетку и пальцем по ней прищелкнул. Однако надеждам, отражавшимся в его лице, не суждено было сбыться.

– Пятахин! Ты идешь с нами.

Сказал Жмуркин. Неожиданно Пятахин покорно кивнул.

– Подожди снаружи, – велел Жмуркин. – Мы сейчас.

Пятахин послушно выбрался на воздух, стал прохаживаться вдоль автобуса, хрустя шейей и пощупывая себя за борсеточный бок.

– И зачем? – поинтересовался я. – Зачем он нам нужен?

– Этого остолопа одного нельзя отпускать, – ответил шепотом Жмуркин. – Утонет, под лошадь попадет, расстегаем подавится, сам ведь знаешь, а мне потом отвечай. Держи врага

под боком, а дурака еще ближе. За пряниками пошлем, если что. Ладно, пойдем. Жохова, ты остаешься?!

– Безусловно, – ответила Жохова.

– Да я ей принесу косточку, – сказал Пятахин снаружи.

Жохова прокляла его дистанционно.

Я прихватил камеру и бук, и мы отправились в Плёс.

Жмуркин не искал легких путей, вместо того чтобы спускаться в город по главной широкой улице, мы двинулись какими-то древними крутыми тропами, сложенными из пузатых гладких булыжников, отполированных временем до блеска и весьма скользких. Возможно, по этим самым тропам некогда бродил в творческом кризисе Шаляпин, поскальзывался и оглашал могучим басом окрестности. Или Левитан поскальзывался и оглашал окрестности могучим фальцетом. Или, допустим, Чехов поскальзывался... Про Степана Разина молчу.

Поскользнулся и Пятахин, и, как и полагалось, огласил окрестности. А потом сказал:

– Я, кажется, сломал копчик.

– Не переживай, Влас, это случилось еще пятнадцать лет назад, – успокоил Жмуркин.

– Как это?

– При рождении. Поднимайся, держись бодрей.

– Я не могу бодрей, у меня копчик...

Жмуркин плюнул и двинулся дальше, я за ним, Пятахин немного посидел, постонал, потом нас, конечно, догнал.

Дорожка кончилась, мы оказались на совершенно милой улочке, сохранившейся, на мой взгляд, в полном соответствии с девятнадцатым веком – никакого асфальта, кривизна, деревянные заборы, канавы, репы и тишина, а в канавах, наверное, безнадежнодохлые собаки. Я сфотографировал избушку с наличниками, а затем поистине сказочный *sortir* в зарослях рябины, рядом с избушкой сшоплю наших серьезных немцев, рядом с сортиром...

Еще подумаю кого.

– Деревня какая... – критически плюнул Пятахин. – У меня и то дом из кирпича...

– Темная ты личность, Пятачок, – сказал Жмуркин. – Этот утлый клозет гораздо дороже всего твоего особняка.

– Почему это?! – оскорбился Пятахин.

– Потому что от этого сортира до дачи премьера всего три километра по прямой, тут недвижимостью дороже, чем в Лондоне. Это, возможно, самый дорогой сортир во всей России. А может, и во всем мире. В нем, может, сам Шаляпин...

Пятахин поглядел на будку уже с заметным уважением и изъявил желание его немедленно посетить, Жмуркин треснул его по шее, и мы побрели дальше по городу с самыми дорогими деревянными строениями.

Очень скоро я отметил, что в городке, безусловно, присутствует свое очарование. Ото всюду видна Волга. Много зелени. Много художников, то и дело они попадались, и почему-то по большей части девицы с духовностью в лице, торопятся, в мольбертах пейзажи. Полусгнившие двухэтажные сараи, с крышами, крытыми толем, и рядом «Ягуары» цвета солнца, и владельцы «Ягуаров» с удовольствием процветают в этих сараях. Тихо, и столбы все внаклонку, мазер Раша, короче, Andrey Rublioff. Мне, одним словом, понравилось, я вдруг подумал, что неплохо бы здесь на самом деле пожить в апреле, и стал подбирать себе живописный сарай, но тут мы вдруг вышли на набережную возле памятника мышке.

Пятахин тут же принялся натирать мыши нос, а я поспешил к тетеньке, торговавшей копченой рыбой. Потратить суточные, купить стерлядь, или копченого сома, или снетка, воспетого классиками, или ряпушку. Но оказалось, что сомов и прочей русской рыбы в Волге нет уже давно, а в продаже есть только копченая камбала и соленая треска, ну, карась вот еще, терпуг.

Купил головастого карася, сфотографировал. Тег «Русь», а куда еще карася приставишь? Захотелось посидеть на скамейке, поглядеть на воду, сжевать карася и написать пару тысяч строк, что-нибудь в духе «Плѣс: город контрастов», но Жмуркин сказал, что карась – это не то, зачем мы сюда приехали.

И бронзовая мышь – тоже не то.

Нас интересует культура.

И мы отправились осматривать город на предмет культуры. Мы осматривали, а Пятахин все рассуждал об архитектуре деревянных уборных, в частности о том, что можно возвести трехэтажный сортир на высоком-превысоком берегу и испытывать самые возвышенные чувства...

Ну и так далее. Видимо, зацепило.

Набережная оказалась длинной и понравилась мне гораздо меньше, чем улица с сараями и канавами. Редкие местные жители глядели не приветливо, а иногда откровенно злобно, продавцы рыбы скрипели зубами, вывески изобиловали буквами «Ъ», у берега колыхались ржавые лодки, мусор, двухпалубные яхты, водные мотоциклы и скутеры, и изумрудного цвета водоросли, которые трудно было принять за настоящие, настолько они были яркие.

Кошки еще. Их тут водилось как-то уж очень много, они деловито рыскали вдоль реки, валялись на крышах, нагло сидели прямо на дороге, и не было на них ни собаки, ни вообще какой-то управы, даже Пятахина, пытавшегося испугать их бешеным лаем, кошки не боялись, презрительно чесались или вообще смотрели сквозь.

Добрались до центра Набережной. Центр от окраин отличался еще большим обилием «Ъ» и заведениями в стиле «Форточкинъ и Сынъ», со Снегурочкой тут не знакомили, зато предлагали настоящих русских блинов со сметаной, семгой, икрой, курицей, медом, яблочным вареньем, ветчиной и еще сорока тремя припеками. Мы неосторожно на блины купились и заказали три порции; впрочем, почти сразу выяснилось, что со всеми вышеозначенными радостями блины уже съели, невостребованными остались лишь вполне себе монстрические блины с рисом и зеленым луком. Прогулка вкупе с речным воздухом разожгли аппетит, решили с рисом и луком. Крупногабаритная тетя-блинница достала из-под прилавка лоток с блинами и, ловко перебрасывая блины из ладони в ладонь, нафаршировала их зеленью, после чего плюхнула получившейся еды в пластиковые тарелки и сунула нам.

Жмуркин высказал блиннице неудовольствие этой странной антисанитарией, тетя не стала вступать в дискуссию и предложила за полцены забрать блины обратно. Лично я был за, но Пятахин заявил, что ничего, он, как всякий заводчик тойтерьеров, глистов не боится. И приступил к трапезе.

Вид Пятахина за едой нанес серьезный удар по моей решимости пообедать вообще, но Жмуркин сдаваться не хотел и предложил посетить чайную «Пиргоff», предлагавшую шаньги, ватрушки, расстегаи, пироги с грибами, с вязигой и совсем уж экзотические – с зайчатиной.

Я решительно отказался. Изобилие в городе кошек внушало опасение, что пироги с зайчатиной обязательно окажутся в наличии, так что я вообще предпочел отказаться от еды, решив на обратном пути заглянуть в магазин, купить йогурт и шоколадку. Жмуркин же сказал, что он хочет с детства узнать, что такое вязига, и двинулся в чайную.

Тем временем причалил большой трехпалубный теплоход «Кордова», и на берег вывалили туристы, что, впрочем, не вызвало у плесских торговцев никакого энтузиазма, никто не зазывал путешественников купить ситчиков, магнитиков и настоящих вологодских лаптей, аборигены воспринимали туристов стоически, равнодушно зевали и цены совсем не уступали.

Смотреть на аккуратных западных туристов и на то, как Пятахин лопаёт блины с луком, тоже не хотелось, и я пошагал дальше по Набережной, к музею пейзажной живописи. Фиаско с обедом не улучшило моего настроения, я медленно продвигался вниз по течению, разглядывал

немалые особняки, вырастающие на склонах, и немалые суда, причаленные к частным дебаркадерам, и думал о том, что местные жители, не отличающиеся чрезмерным гостеприимством, во многом, наверное, правы. Понаехали тут... Скупили землю, понавтыкали хором, цены как в Москве, да еще пляши перед ними с маракасами, продавай им майку с портретом Левитана, бубен с портретом Шалапина, автопортрет Andrey Rublioff, да еще улыбайся, как друг. Надо наладить выпуск других маек, подумал я. С надписью «Turistas! Go Home!» и большой фигурной дулей, наверняка туристам это понравится, особенно каким-нибудь норвегам.

«Turistas! Go Home!»

Вообще, если бы я устраивал конкурс девизов для города Плёса, я выбрал бы такой. «Turistas! Go Home!» на фоне трех крокодилов.

Возле памятника Левитану встретил Александру. Она сидела возле клумбы, прямо на траве, и кормила кошку копченым судаком.

Сфотографировал. Для блога. Тег «Милосердие».

Кошка... Кот. Такое обилие боевых ран могло сосредоточиться только на коте. Уши отсутствовали вовсе, то ли отгрызли, то ли так и родился, происходя из древнего бойцового рода. Вместо хвоста обрубок, что также указывало на отсутствие в коте миролюбия.

Глаз в одном экземпляре. На шее глубокая, размером с пятирублевик, рана, свежая, едва затянувшаяся. Страшный зверь, какой-то весь квадратный, неприятно мускулистый, видимо, изначально белой масти, за годы свинства и бродяжничества ставшей грязно-серой.

– Бюбхен, кюшай. Кюшай, Бюбхен, – приговаривала Александра.

Бюбхен не стеснялся, жрал судака с деловитым мурчанием, неприятно при этом пошевеливая мускулатурой. Идиллическая картина, определенно «милосердие». Вот почему тут, в Плёсе, так много кошек. Иностранцы покупают у местных копченую рыбу и откармливают ею кошаков из гуманитарных соображений.

– Осторожно, у него может быть стригущий лишай, – предостерег я.

Наивная иностранка Александра не знала, что такое «стригущий лишай», я не стал ее просвещать, не стал разрушать приволжскую сказку.

Бюбхен сожрал судака уже почти целиком, костей осталось немного, ну, и парочка плавников, догрыз хвост и поглядывал вопросительно на Александру.

– Катце...

И Александра достала из рюкзачка железную банку красной икры, тут уж я не стерпел.

– Кошки икру не едят, – соврал я. – Она слишком соленая. Могу пожертвовать карася.

Я достал карася и пожертвовал.

Александра поглядела на меня с благодарностью и подержала за руку. Бюбхен же накинусь на карася с азартом, как мне показалось, все-таки несколько меньшим, чем на судака. Александра же наблюдала за этим событием с неподдельным удовольствием, и я подумал о разнице в наших менталитетах. Вот ей, настоящей немецкой немке, доставляет радость созерцание кошки, поедающей рыбу. А мне, настоящему русскому немцу, доставило бы радость другое – если бы это я ел карася, а этот Бюбхен смотрел бы на меня с завистью и с тоской. Тег «Примат примата», ну, или как-то так.

И представилось мне вдруг – вот пройдет год, и мы будем где-нибудь там сидеть на Рейне, волна плещет, на другом берегу горы, и замки, и дубы поблескивают золотом...

– Витя!

Я обернулся.

Снежана. Почему-то без Листвянко. Что-то случилось, значит.

– Там этого бьют! – сказала Снежана. – Немца, который повыше. Глухонемого!

Дитера бьют, прекрасная новость.

– А Дубина где?

– Он кушается... А этого глухонемого-то совсем убьют...

– За что?

– Он с местными поспорил! Беги давай!

Ну, я и побежал. Сдал электронику Снежане и побежал. По Набережной, к центру.

Площадь у двух якорей была заполнена гуляющим народом с теплохода, что-то разглядеть в этой толпе с ходу не получилось, и мне пришлось немного пометаться, прежде чем я увидел, как группа товарищей уводит Дитера вверх по склону, на холм. Отлупят его перед церковью, в лопухах. С другой стороны, для немца опыт незабываемый.

Поспешил за ними.

Кажется, это были художники. Во всяком случае, они были все довольно густо обвешаны всяческими художественными принадлежностями – мольбертами, складными стульями, тубусами. Были немцы, растрепанны и волосаты. Этого мне еще не хватало – разборки между художниками.

Художники свернули в узенькую боковую улицу, которая вела к колокольне. Точно, будут бить в лопухах. Я свернул тоже.

– Эй! – крикнул я. – Подождите!

Услышали, остановились, поглядели на меня насупленно, с неприязнью. Запыхавшийся, я приблизился.

Дитер при виде меня радостно заулыбался, а вообще, если честно, он выглядел немного испуганно, наверное, представлял, что попал в руки русской мафии и теперь его будут истязать утюгом и жареными пельменями.

Художники при виде меня как-то сплотились, не нравился я им, руки стали поглаживать.

– А вы чьих, собственно, будете? – нагло спросил я.

– Суриковские мы, – ответили в ответ. – А ты?

Ага, Суриковское училище на пленэре. Я не стал им отвечать, губу скривил, плечом повел, спросил:

– А паренька за что подхватили?

В художниках определился центр силы, такой широконогий с носом, растопырил локти и шагнул вперед, Веласкес такой, Диего Ривейра, видел про него по телевизору, микробов любил рисовать. Этот самый Ривейра достал несколько самодельных открыток, штук пять.

На первой была весьма похоже изображена набережная, и все эти домики и лавочки, и гора с церквями, а с горы спускаются марсианские треножки, а горожане в панике грузятся в лодки, спасаются.

Вторая открытка была несколько более романтического свойства – на набережной на скамейке лирически любовался закатом старый, с палочкой, Дарт Вейдер.

Третья являла собой постапокалиптический Плёс – пересохшая Волга, превратившаяся в канаву, местность, подходящая больше на горы, узнаваемая пизанская церковь – единственное из сохранившихся зданий, и рядом с ней на скамеечке сидела девочка с воздушным шариком.

Остальные картинки были нарисованы в этом же духе, а на последней карточке было написано: «20 Sekunden = 5\$». Оказывается, Дитер вполне себе практический человек, виртуоз пальца и краски, за двадцать секунд рисует картинку, за пять бакселей продает. Не, если это можно нарисовать за двадцать секунд, то Дитер определенно гений.

– И что? – спросил я. – Интересная мазотня, ну?

– Клиента перебивает, – ответили художники гуртом.

– А вы что, так не можете, да? – сочувственно спросил я. – Инвалидос?

– Мы – художники, – объяснили художники. – А это профанация. Тоже мне, Дали паршивый.

– Но ведь покупают, – возразил я.

Ривейра с отвращением разорвал открытки и засорил природу окрестностей.

– Мы его просили не искушать, а он не послушался, – пояснил Ривейра.

– Он глухонемой, – сказал я.

– А ты, как я погляжу, глухотупой.

Тут я понял, что эти люди не собираются отступать, мстительные творческие поганцы, они явно собирались бить Дитера, а заодно и меня. И пришлось нанести превентивный удар. Я выбрал этого, Ривейру, быстро к нему приблизился и подло пнул в коленку. Несильно, не чтобы покалечить, чтобы обездвигить. Подействовало, Ривейра скрючился и упал, распростерся. Я схватил Дитера за руку, и мы побежали. Вверх, по холму. У нас имелось некоторое преимущество – мы бежали налегке, а художники обремененные живописными принадлежностями, впрочем, они скоро догадались их побросать.

Гора оказалась крута, удирали мы как раз по той самой бульжной тропинке, у Дитера это получалось лучше, поскольку он бежал в хитрых немецких кроссовках на надувном протекторе, а я в китайских кроссовках на полистирольной подошве. Но мне как-то взвезло, я взбежал на горку без происшествий и поскользнулся уже на самом верху, практически на ровном месте, не совсем взвезло.

Поскользнулся и угодил прямо в руки преследователей, и они, само собой, стали меня колотить. Это продолжалось недолго, да и художники били не очень умело, непривычные к этому делу люди, не то что поэты. Дитера, кстати, не били – едва придвинулись, как он принялся пронзительно мычать на немецком языке, и недруги в растерянности отступили. А через пару минут что-то грохнуло, и художники вообще рассыпались, но далеко не убежали.

Это был Жмуркин. Не знаю, чем он грохнул, наверное, взорвал петарду. Во всяком случае, действие возымело, живописцы расступились, я поднялся, побитый.

– Так-так-так, – сказал Жмуркин и достал из кармана пистолет.

И тут я увидел в руках Жмуркина пистолет.

– Ну, что, рембранты, стоит вам отступить. И вон по той каменистой тропинке прямо под горку, под горку, там прекрасная чайная с бесплатным лимоном. Выпейте чаю, поспорьте о Малевиче, я оплачу...

Пяťсот рублей скомкал, швырнул в сторону рембрантов.

– Бегите, пока я добрый. А то как-то некрасиво, я в Дантесы не записывался...

– А мне кажется, мы сейчас надаем вам по морде. Пистолетик-то у тебя игрушечный.

– Игрушечный? Ну ладно, сейчас вот мы и посмотрим...

Жмуркин выстрелил. Невысокий художник в коротких шортах подпрыгнул и ойкнул, оранжевая пластиковая пуля укусила в ляжку.

– Я же говорил – игрушечный! – ухмыльнулся главный Ривейра. – Ну все...

– Стоять! Кто не хочет провести чудный вечер в обезьяннике – стоять!

Но их уже было не остановить, на меня кинулся ближайший, достаточно длинный и преисполненный ярости. Он вцепился мне в куртку и толкнул. И я в свою очередь вцепился в его карманистый жилет и потянул, и мы ухнули в черемуху и покатались по склону.

Такое часто показывают в кино – как кто-то кувырком летит по склону. Должен признать, что это не очень приятное занятие. Плёт – один из центров сноуборда и семейных горных лыж, – это неслучайно. Склоны здесь крутые и повсеместные, так что и мне и моему недругу пришлось несладко. Лично в мою спину то и дело вонзались всевозможные корни, камни и прочие неровности. Я попытался подтянуть к себе руки-ноги, чтобы не сломать, но скорость мы набрали уже приличную, так враскоряку и летел. Кусты пошли плотные, но скорость не снизилась, поскольку крутизна склона возрастала пропорционально, и вдруг кусты и трава кончились, нас подбросило в воздух, мы перелетели через забор и ухнули в бассейн.

Это получилось так неожиданно, что я не успел задержать дыхание, нахлебался воды и закашлялся. Бассейн был глубок, едва всплыв, я погреб к берегу, но враг мой схватил меня за пятку и потянул на дно.

Некоторое время мы дрались в воде и под водой, как настоящие ихтиандры, как гигантские креветки, но это оказалось делом неблагодарным и неудобным, так что мне пришлось сильно боднуть художника в живот и поплыть к берегу.

Художник поплыл за мной. Мы добрались до бортика почти ноздря в ноздю, и тут нас ожидал неприятный сюрприз.

Недалеко от бассейна располагался особняк, построенный в стиле альпийских вилл, рядом с ним радовала глаз свежим бревном баня, между баней и бассейном расстился газон, у края газона стояли, как мне показалось, игрушечные домики, небольшие такие, в метр. А потом из домика, весьма напоминавшего русскую купеческую избу, показался пес устрашающей наружности. И уверенно посеменил к нам. Я сразу передумал вылезать, художник же попытался, но быстро передумал тоже.

– Испугался? – спросил я.

– Нет, – ответил художник. – Просто не дурак. Я вылезу, этот цербер в меня вцепится, а ты пока улизнешь. Нетушки.

– А ты мыслитель.

Художник плюнул в приближающегося пса и отплыл к середине бассейна. Я тоже. В середине было глубоко, до дна мы не доставали, но в воде болтались спасательные круги, уцепились за них.

Пес сел на краю и стал смотреть на нас равнодушными глазами. Зевнул с челюстным скрипом.

– Мне кажется, это декоративная собака, – предположил художник. – Она неопасна.

– Вот и вылезай, – посоветовал я. – Поиграете в прятки.

– А может, и не декоративная... Проверять как-то не хочется. Что будем делать?

– Знакомиться, наверное, – ответил я.

– Ну, давай. Я Илья.

– Репин? – на всякий случай уточнил я.

– Нет еще... Но вообще собираюсь.

– Виктор.

Мы подводно пожали руки.

– И что дальше? – спросил Илья. – Кричать, что ли?

– Попробуй.

– А-а-а... – протяжно проныл Илья.

Собака неприветливо заурчала.

– Не годится, – забраковал я. – Ты его только злишь.

– Предложи свой план.

– Какой сегодня день?

– Вторник.

– Вторник... – я высморкался в бассейн. – В пятницу сюда приедут хозяева, загонят собаку в будку...

– Ты что, до пятницы ждать предлагаешь?!

– Можно еще жребий бросить. Камень-ножницы-бумага.

– Зачем?

– Тот, кто проиграет, выпрыгивает и отвлекает собаку. А победитель бежит вызывать «Скорую».

– Не нравится мне это, – помотал головой Илья. – Ерунда это. Хозяева здесь, в доме. Просто ушли.

– Ага, ушли. В Москву они ушли.

Я начал дрожать, вода в бассейне была достаточно прохладная, до пятницы не продержимся.

– А кто пса кормит тогда? – поинтересовался Илья.

– У него там в будке автокормилка. А воду он из бассейна лакает.

Илья тоже застучал зубами.

– Кто-то должен пожертвовать собой, – сказал я. – Так всегда в древности делали.

Илья промолчал.

– У тебя братья-сестры есть? – спросил я.

– Да...

– Вот видишь! В случае чего твой род не прервется. А я у мамы один, она пенсионерка...

– Одноногая, слепая и негритянка, – закончил за меня Илья.

– Почему негритянка?

Показалась девчонка в какой-то нелепой накидке, увидела нас, рассмеялась. Достала телефон.

– Привяжи собаку, – попросил я ее. – Мы не воры, мы хорошие. Вот он Репин, а я...

– А ты Петров-Водкин.

Девчонка проявила неожиданную эрудицию, не зря в Плесе живет.

– Нет, я...

– Карам!

Пес свирепо зарычал.

– Мы честно не воры! – заверил я. – Он на самом деле Репин, а я Рагозин, мы тут оступились просто, отзови пса, а?

Девчонка не ответила, набрала номер.

– Папа, тут опять два дурачка в бассейн свалились, – сказала она. – Что с ними делать? Ружье, да? На стене в твоей комнате? Куда лучше стрелять? Ага, понятно, так и сделаю.

Девчонка помахала нам ручкой и направилась к дому.

– Шутит? – предположил Илья.

– Может, и нет. Сам знаешь, какие сейчас встречаются...

Тег «Времена и нравы».

– Давай вместе выскочим, – предложил Илья. – Побежим в разные стороны, он и растеряется.

– Он не растеряется.

Я поглядел на Карама. Не, такой не растеряется. Где Жмуркин? Ситуация напряженная.

– Надо его в бассейн заманить, – предложил я.

– Как?

– Не знаю. Заманить... У тебя штаны с ремнем?

– Да.

– Снимай.

Илья поглядел на меня непонимающе.

– Снимай, пока не поздно! – рыкнул я.

Илья снял штаны.

– Ремень!

Илья вытащил ремень, дал мне. Я продел ремень в пряжку, сложил петлю.

– Сейчас поплывем к бортику. Ты будешь его штанами дразнить, а я петлю разложу. Как он наступит, сдернем его в воду, а сами выскочим, ясно?

– Ясно.

– Тогда поплыли.

Мы поплыли к бортику. Верный Карам тут же устремился к нам. Поскользнулся два раза, хорошо. Я быстренько разложил на кафеле свернутую из ремня петлю, Илья стал ритмично потрясать штанами и говорить «бе-бе-бе-бе».

Как ни странно, сработало. Пес не ожидал такого коварства с нашей стороны, бросился на штаны и наступил в петлю. Я дернул. Петля удачно стянулась выше локтевого сустава, я уперся в бортик, поднатужился и стащил пса в воду. Как он ни упирался, человек все-таки царь природы.

Бульк.

Мы с Ильей выскочили из бассейна и кинулись к забору. Карам завыл.

Через забор перелезли быстро, оказались в зарослях, через минуту выскочили на улочку, погрязшую в розах, ну, или в диком шиповнике, в розовом цвете, короче.

Поглядели друг на друга.

– И что дальше? – спросил Илья.

– Наверное, ничего. Я пойду к себе, а ты к себе.

– Без штанов?

– Скажешь, что потерял их в бою. Или в кабаке заложил, Серов так всегда делал. Ладно, Репин, творческих успехов тебе.

– Да пошел ты... – как-то неуверенно ответил Илья.

А я поспешил к нашему автобусу. Мокрый, едва не загрызенный Карамом, побитый творческими работниками, глубоко разочарованный в жизни вообще и в человеке в частности.

Вот тебе и Плёс. А ведь все еще впереди. Всё Золотое кольцо. Суздаль, и Владимир, и Муром. Не говоря уж о Кологриве. Хотя Кологрив, кажется, в Золотое кольцо не входит. А там, между прочим, снежный человек.

Глава 2

Уроки акробатики

Тот день начался с пальца, что само по себе ничего хорошего не предвещало.

Палец ныл. Это была еще не полноценная боль, но уже ее неотвратимый предвестник, под ноготь медленно вползала безжалостная игла, ржавая и в придачу еще и раскаленная.

Я узнал ее даже через сон, и через сон же понял – вырваться не получится. Впрочем, сон к боли приложился вполне подходящий, снилось мне, что я иду через поле и наступаю левой ногой на ос, кусающих меня ровно в палец.

Это был знак.

Потом я проснулся окончательно и обнаружил на шторе саранчу – второй знак. Здоровенного, почти с кулак, зеленого кузнечика, вселяющего трепет и наводящего ужас, он прицепился к тюлю и задумчиво покачивался справа налево, не шевелясь, как ненастоящий. На тумбочке рядом с кроватью так же задумчиво сидел какой-то посторонний репейный кот, следивший за саранчой с гастрономическим интересом. Я шуганул кота и подумал, что все это наверняка неспроста. Саранча на занавесках просто так не бывает, наверняка... И кот.

Это нашествие. Вчера был хороший ветер, и в район занесло стаю саранчи, теперь под угрозой оказался урожай...

Я потер лоб, вспоминая, что вообще растет у нас в районе. Горох. Клевер. Овес. Сурепка. Интересно, что такое сурепка? Супер-репка, овощ нового поколения. Желтенькое что-то растет возле Усолья, наверное, это сурепка и есть... Лён! Интересно, саранча лён жует? По весне сорок гектаров льном засеяли, да не простым, а каким-то стратегическим, из него костюмы для МКС шить будут с повышенными свойствами, губернатор приезжал еще, сам за сеялкой сидел, обещания раздавал, наш лён – самый космический лён в мире, самый прочный, самый гигроскопичный, самый практичный.

А теперь это все сожрано саранчой!

Я сел в постели, снял со стены фотик, снял саранчу в макро. Ничего, пойдет. Потом пришлоплю скафандр, вроде как она его поедает, статья что надо получится, и название можно придумать...

«Надежды не оправдались», «Пожранный космос», ну, или что-нибудь еще в духе инфернальной журналистики, как раз для пятничного выпуска. Может, и пропустят. Кстати, саранча сейчас в тренде, вчера во «Времени» показывали, на юге настоящее нашествие, жгут огнеметами, давят асфальтоукладчиками.

Я встал, потянулся, на всякий случай поймал саранчу в банку и отправился умываться. Надраивая зубы старомодным зубным порошком, я размышлял – предложить ли статью про саранчу Кузовлеву или сразу повесить ее на сайте? Для сайта она была слишком постная, для Кузовлева слишком жареная, вот если бы саранча съела, допустим...

Что еще можно съесть саранче, я не знал и на всякий случай включил радио. И порадовался во второй раз за утро – в местных новостях с гордостью сообщали о пробке, возникшей возле моста, на котором умудрился застрять ракетносец с «Тополем». В результате сего неприятного события на работу опоздали несколько сотен граждан, в пяти цистернах скисло молоко, и вообще, транспортный коллапс приобрел районные масштабы. Поэтому я бестрепетно отринул завтрак, захватил камеру, диктофон, запрыгнул на мопед и погнал к мосту.

То, что увидел, превзошло самые смелые мои ожидания. Ракетносец действительно застрял, причем нелепо – снес деревянные перила и вывесился с моста передними колесами, перегородив движение вмертвую, в результате чего на обоих берегах скопилось изрядное количество транспорта.

Цистерны с молоком пытались перебраться через реку вброд и тоже застряли, пара грузовиков и джипов скучали в воде рядом, водители загорали на крышах. На склонах теснились легковушки, автобусы и даже несколько автокранов, машины гудели, люди свирепели, я вздохнул с удовольствием и начал снимать.

Остановился через полтора гигабайта. Репортаж получился неплохой, отчасти даже отличный. Я был доволен.

Вот кадры.

Разгневанные автомобилисты пытаются линчевать незадачливого солдата.

Инспектор ГИБДД растерянно падает в воду.

Водители молоковозов сливают молоко в реку.

Катастрофен, однако. Назовем «Если завтра война».

Никакого развития ситуация не предполагала, ракетносец мог вытащить только другой ракетносец, а его обещали лишь к вечеру. Я немного погудел мопедом, поддерживая недвольную общественность, и направился в редакцию «Речника» писать статью про дыру, возникшую в обороноспособности державы.

Я прокатил через весь город, перебрался через ж/д линию и остановился возле здания типографии, в котором по совместительству располагались газета «Речник» и студия юных журналистов «Окуляр». Поднялся на второй этаж, в зной, в пыль и тоску провинциальной журналистики, хотел прошмыгнуть в свою каморку незаметно, но не получилось.

– Витенька, – прочирикала недреманная секретарша Марина. – А загляни-ка к Петру Сергеевичу.

– Сейчас?

– Угу, – Марина поглядела на часы. – Через пять минут. Садись пока.

Я сел к стене, к приятно прохладной батарее, понюхал каланхое, любимый цветок моей матушки, он от всего, Марина поглядела на меня и спросила:

– Витенька, а это правда, что ты можешь с ходу любому человеку кличку придумать?

– Правда, – сказал я правду. – Могу.

– А мне?

– Тебе я давно придумал. Ты – Незабудка.

На самом деле просто Будка, но лучше Марине про это не знать.

– Незабудка... – Марина мечтательно закрыла глаза. – Интересно как. А вот Сарапульцева, допустим? Ну, та, что полы в клубе моет? Какую бы ты ей придумал кличку?

– Сарапульцева – это и так кличка.

– Да? А я и не знала... Ей подходит. Ну вот, а, допустим...

Марина оглянулась на портрет губернатора.

– Не надо впадать в крайности, – посоветовал я. – Ты знаешь, что любого человека можно прослушать через мобильный телефон? Органы начеку, все пишут.

– Какой ты скучный, Бенгарт... – зевнула Марина. – Слушай, а вот ты эти ролики интернетные делаешь, ты за них сколько денег...

Сработал интерком, непредвещающий голос Кузовлева велел мне заходить. Я зашел.

В кабинете было, как всегда, накурено, возле стены стояли пыльные сапоги главреда – Кузовлев с утра объезжал окрестности для рубрики «Вести с полей». Хотя лично я предлагал делать «Вести с полей» проще – брать позапрошлогодние вести и всего-навсего менять даты. Все равно их никто не читает. Но Кузовлев так не мог, добросовестный человек, олдскульный.

А сейчас Кузовлев сидел на своем месте, печально ел рыбу из фолги.

– Здравствуйте, – сказал я.

Кузовлев кивнул, тут же подавился костью и принялся ее доставать двумя пальцами, я пожалел, что не взял скрытую камеру, отличная быдлеска бы получилась. «Рыба Хе Хе», так бы назвал.

– Может, «Скорую»? – предложил я. – А вдруг умрете?

Но Кузовлев изловчился и постучал себя кулаком по спине, выбил кость, выплюнул на стол и сказал:

– Виктор, ты мне очень надоел.

После чего достал папку и бдюкнул ее на стол. Красная прозрачная папка с пуговицей и резинкой, я ее специально заказывал по Интернету – для солидности, для стиля. В папке статья, перечеркнутая таким же красным, даже сквозь обложку видно.

– Виктор, – Кузовлев редакторски насупил брови и постучал по пластику. – Виктор, это что?

– Статья.

– Статья...

Кузовлев снял резинку с пуговицы, вынул лист, помахал им в воздухе.

– Статья, значит... «Пила-3»?

– Да.

Кузовлев почесал лоб. Трудно быть главным редактором, подумал я. Большая ответственность. Не то напишешь – и раз, уже не главный редактор, а пунктом приема клюквы заведешь.

– Это смешно, – Кузовлев стал щелкать ручкой. – Я вполне понимаю твою иронию...

– Но она на самом деле пила, – возразил я. – Причем в третий раз за полгода. И задержали ее в третий раз, между прочим, это официальная информация, мне ее пресс-секретарь в ГИБДД предоставил.

– Она работает в казначействе, – сказал Кузовлев.

– И что? Ей можно нарушать правила? Вот у Круглова папка всего один раз косо выехал, да и то в лес, а его на год лишили...

– У тебя студия какая? – терпеливо спросил Кузовлев.

– Какая? – не понял я. – Юношеская...

– Юношеская, верно. Ты должен писать про что?

– Про что?

Кузовлев хлопнулся в кресло. Я зевнул про себя, но лицом сделал так, как будто не понял.

– Про лагерь отдыха, – Кузовлев указал пальцем в окно. – Про конкурс молодых талантов. Про лосеферму. Про питомник хасок. Про лесной патруль. А у тебя «Пила-3».

– Про лосеферму я тоже писал.

– Ну да, как же, помню, «Лось барану не товарищ».

– Я не виноват, что они на лосеферме вместо лосей баранов втихаря разводили...

Кузовлев стукнул пальцем по столу.

– А что? – спросил я. – Это же правда, все знают...

– Я устал от твоей правды, Бенгарт. Каково население нашего города?

– Около сорока тысяч. Если верить последней переписи...

– Около сорока тысяч, – кивнул Кузовлев. – А безобразий как на Нижний Новгород. На лосиной ферме недокармливают лосей, властная элита злоупотребляет полномочиями, художники культивируют дегенеративное искусство...

– А вы были на выставке этнодадаизма? – неосторожно перебил я.

– Был! – крикнул Кузовлев. – Был. И ничего ужасного я там не увидел! Нормальное этническое творчество! Возрождение самобытной культуры...

Я промолчал. Не хотелось спорить, чего прошлое ворошить? Этнодадаисты уже успокоились, подарили мне свой альбом, и я листал его перед сном и постепенно привыкал к этим их каракулям и начинал видеть в них какой-то и смысл.

– А про отопительный сезон?! Я поручил тебе про подготовку к отопительному сезону написать, вскрыть проблемы, указать на недостатки. А ты что?

– Я вскрыл.

– Вскрыл?! «К январю сохнем» – это, называется, вскрыл?!

– Это мне сам Лапин из «Теплоэнерго» сказал, – попробовал оправдаться я.

– Да мало ли что тебе Лапин брякнул! Ты знаешь, что мэр, как это прочитал, полдня по стенам бегал! «К январю сохнем»! И это на официальном сайте! Хорошо, вовремя убрали!

– Но ведь это правда...

Кузовлев схватил сифон – у него старомодный сифон – нацедил себе в стакан, выпил. Еще нацедил и выпил, с удовольствием, мне тоже пить захотелось, но со мной главред, конечно, не поделился, субординация-с.

Напившись, он уселся на свое место, закурил и чуть успокоился.

– Мне нравится, как ты пишешь. – Кузовлев проникновенно погладил мою папку. – В этом есть самобытность, в этом есть воздух. Стиль у тебя тоже вполне. Но твой подход...

Кузовлев поперхнулся дымом, закурил еще.

– У тебя гиперкритический взгляд. Я, конечно, понимаю, максимализм, возраст и все такое... Но ты ведь не видишь ничего позитивного. Так нельзя. То есть совсем нельзя...

– Это потому, что моего прадедушку собаки покусали, – вставил я.

– Что? – не понял Кузовлев.

– Моего прадедушку покусали овчарки, – повторил я. – С этого и началось. Я не виноват. А мой прапрадедушка и сам был...

– Не знаю, не знаю... – Кузовлев сделал знак, чтобы я замолчал. – Надо это перерастать, Бенгарт. Возвышаться. А пока...

Зазвонил телефон. Не мобильный, обычный, на столе. Кузовлев неприветливо взял трубку.

– Да?!

Дальше он молчал.

Молчал и поглядывал на меня. А иногда что-то записывал в ежедневник, кусал ус, и левый, уже обгрызенный, и правый, еще более-менее целый.

Я ждал. Минуты через три Кузовлев сказал:

– Хорошо. Я понял. До свидания.

И положил трубку.

После чего смотрел еще некоторое время уже в окно, потом все-таки очнулся.

– Ладно, – сказал он. – Я еще подумаю.

И притянул папку со статьей к себе.

Интересно, подумал я. Кто это ему сейчас?

– Что стоишь? – Кузовлев поглядел на меня неприязненно, как отец родной.

– Статью переделывать, что ли?

Кузовлев произвел головой неопределенное движение.

– Значит, пойдет в номер?

– Ты иди, работай, – главред махнул рукой. – Напиши...

– Можно про Жохова? – перебил я.

– А что опять Жохов? – страдальчески спросил главный.

– Вы же знаете, Жохов обещал перестрелять всех собак в городе.

– Ну, знаю, – осторожно кивнул начальник.

– А батюшка Илларион на прошлой неделе привез из Канады новых маламутов, он хочет здесь гонки проводить.

– Гонки... – Кузовлев снова кивнул, но уже неуверенно.

– Гонки на собачьих упряжках, – пояснил я. – Международное первенство, все такое. А какие гонки, если Жохов их всех перестреляет? Мне кажется, в нашем городе назревает межконфессиональный конфликт.

Кузовлев почесал голову и задумчиво поглядел в окно.

– Ты вот что, Виктор... Ты про собак пока не пиши ничего, я сам узнаю в епархии...

– Батюшка Илларион настроен решительно, – напомнил я. – Сказал, что не потерпит расцвет сектантства и сатанизма. Что воздымет паству...

– Иди, – перебил Кузовлев. – Потом, потом про паству. Воздымет... Ты где таких слов понабрался, Бенгарт?

– Классику читаю, – сказал я.

– «Му-му»?

– «Житие протопопа Аввакума».

Кузовлев посыпался, а я пошел.

В конце коридора располагалась дверь с зеленой табличкой «Студия юного журналиста «Окуляр»». Раньше тут никакой студии, само собой, не было, а была кладовка, в которой размещались старые подшивки газет и журналов, подшивки эти пребывали в полном хаосе, стояли от пола до потолка пыльными столбами. Я так думаю, эту каморку мне не случайно выделили, а в надежде на то, что я тут приберусь. Но я не стал этого делать, мне нравилось и так, расчистил у окна небольшое пространство для стола и двух стульев, протянул положенное мне по гранту оптоволокно и стал единственным в нашем городе независимым журналистом.

Торчал в своей комнатке с утра до вечера, пропитывался запахом старой бумаги, пил крепкий чай, сидел на подоконнике. Когда иссякала журналистская мысль, протягивал руку и наугад вытягивал из стопки журнал, читал. Старые журналы вдохновляли, в них все было наивно и одновременно серьезно, и если журнал «Здоровье» призывал лечиться брусничным листом, то четко указывал, от каких именно болезней это стоило делать. Вот считаешь «Здоровье», и на душе легче и спокойнее.

Сегодня, впрочем, «Здоровье» меня не очень успокоило, скорее наоборот, расстроило, попал на статью про шпоры. Про те, которые заводятся в пятках и мешают жить. Мне почему-то стало казаться, что у меня в левой пятке образовалась такая, и теперь без хирургического вмешательства не обойтись, хотя шпоры не было, так, скучный ювенальный артрит, и не на пятке, а на пальце.

Посему забросил я «Здоровье» за батарею, решил подумать про саранчу и знаки, но тут дверь открылась со скрипом и неожиданно показалась Лаура Петровна Скрайнева, заместитель главы Департамента образования, супруга директора гимназии № 1, мать Паши Скрайнева, остолопа. Много, однако, званий, тяжек крест матери.

– Двери у тебя скрипят, что не смажешь? – неприветливо буркнула Лаура Петровна.

– Гоголь не велит, – ответил я.

– Ну-ну...

Лаура Петровна брезгливо осмотрела помещение.

– Уборку так и не сделал... Тоже Гоголь не велит?

– Так да, он же. Знаете...

– Не знаю и знать не хочу, – еще неприветливей перебила Лаура Петровна. – Развел свинарник, а тебе помещение выделили, а в Доме детского творчества, между прочим, негде плавательной секции разместиться.

Нашей плавательной секции уже три года негде разместиться, с тех пор как новое здание ДТЮ забраковала комиссия. В нем собирались создать спортшколу, секции плавания и прыжков в воду, тренера пригласили, квартиру ему дали, автомобиль, освоили средства. А бассейн и не открыли. Обещали к зиме открыть, а все ребята, кто записался, стали так тренироваться, посуху.

С тех пор минуло три года.

Так что наша городская сборная по плаванию – самая уникальная в мире: ни разу воды они не видели, пловцы-теоретики, так сказать. При всем при этом многие каким-то чудом имеют разряды, вот, к примеру, сын Лауры Петровны, Павел, второй юношеский. А тренер

получил звание заслуженного. А бассейн к зиме откроют, это точно. «Гребем по-малому», так я про них написал. И фотографии залил, как наши пловцы тренируются – сидят на полу, к рукам резинки привязаны, гребут. Конечно, не опубликовали, но в блоге я выложил.

– Чем занимаешься? – поинтересовалась Лаура Петровна. – Какую-нибудь гадость опять пишешь?

– Я? – удивился я. – Ну что вы, какие гадости. Про земснаряд вот думаю.

– А что тебе земснаряд? – насторожилась Лаура Петровна.

– Да как-то странно он работает. Копает-копает, копает-копает, пятый год на одном месте копает, а у копщиков на берегу речки особнячки, особнячки...

Лаура Петровна прищелкнула языком. Это явно означало следующее – «не жалеешь ты свою мать, Виктор».

– Оставим земснаряд, – отмахнулась Лаура Петровна. – У меня к тебе дело.

У меня заныл палец.

С ним это всегда так, сидит себе в кроссовке тихо, помалкивает, а потом вдруг раз – и заболевает. Да так, что вот хоть в окно при дамах прыгай.

– В Департаменте образования вскрылись недостатки? – поинтересовался я.

– Нет, не вскрылись... То есть какие у нас могут быть недостатки? Ты это брось, Виктор, брось.

Лаура Петровна огляделась еще раз, то ли скрытую камеру искала, то ли просто привычка.

– Другое дело у меня к тебе, Виктор. Ты...

Лаура Петровна замолчала.

– Что ты на меня так смотришь? – спросила она.

– Да я не смотрю. Просто мне показалось... Неужели Пашу похитили пришельцы?

– Больной, – вздохнула Лаура Петровна. – Лечиться надо.

Палец у меня просто взвыл. Я не утерпел, стащил кед, стащил носок и начал пальцем вращать, чтобы хоть как-то убрать боль.

– Seriously больной, – добавила Лаура Петровна.

Но на палец почему-то смотрела долго, потом взяла себя в руки и вышла. А я прижал палец к холодной батарее и поглядел в окно.

Пыль на улице поднялась, закрутилась в задумчивую расплывчатую восьмерку, рассыпалась в отдельные вихри, улеглась так же неожиданно, и я увидел. Там, среди рыжих уличных собак, среди песка, оставшегося от дна древнего моря, стоял человек, которого я начал уже забывать, почти забыл, лицо во всяком случае точно.

Призрак...

Я зажмурился, помотал головой и открыл глаза. Призрак рассосался.

Глава 3

Немного про меня

Моего далекого предка действительно покусали собаки, давно, еще в девятнадцатом веке, в пору надежд в веру торжества человеческого разума, в пору просвещения и прочего стимул-панка. Так что сказать, что журналистика ворвалась в мою жизнь уж совсем неожиданно, нельзя. Впрочем, все по порядку.

Начну, пожалуй, все-таки с себя.

Как-то раз у меня врос ноготь на большом пальце левой ноги. Вполне себе рядовое происшествие, будничное, можно сказать, повсеместное, пойдй найди человека, у которого хоть раз не врос ноготь? Вот и у меня врос.

Ну, врос и врос, особого внимания на это обстоятельство я не обратил, не в первый, чай, раз.

Однако через неделю я обнаружил, что ноготь причиняет беспокойство. Причем серьезное. Ноготь болел настырно и как-то рывками, точно в палец вворачивали саморез. Городскую поликлинику, как назло, закрыли на ремонт, и оказать помощь на месте мне не смог никто. Мать, глядя на мои страдания, пригласила колдунистого дядьку, который лечил зубы, сводил бородавки и умел заговаривать фурункулез. Дядя зажег лучину, рекомендовал распарить ноготь в бане, а потом вырвать его с корнем. Так мы и сделали. Только ноготь не вырвался, сколько ни тянули. Дядька тянул, я орал, мать уговаривала меня потерпеть, в конце концов они оторвали мне половину ногтя, но это совсем проблему не решило, если не усугубило.

Ноготь продолжал расти, я продолжал мучиться. В определенный момент я вдруг стал явно ощущать, что ноготь завладел всеми моими мыслями, я думал только о ногте, о том, как бы его выдрать, о том, как наладится моя жизнь после того, как я избавлюсь от ногтя.

Через две недели боль стала решительно невыносима, и я поехал в область.

Печальное и очень русское путешествие. Сначала было жарко, потом сломался паровоз, потом в вагон загрузились насельники Караваевского монастыря, какие-то весьма странные люди, сидевшие строго, потом дембеля, потом мы приехали, и я заблудился, собственно, в самой Костроме, угодив в какой-то странный район, и долго не мог найти больницу, а как нашел, выяснилось, что хирург мертвецки...

Ноготь мне все-таки удалили. Однако дотторе, производивший операцию, отметил, что, скорее всего, дело совсем не в ногте, ноготь, собственно, следствие, я же, вероятнее всего, страдаю подагрой. Медсестра, помогавшая клеить пластырь, рассмеялась, указав на то, что для подагрика я слишком молод, подагра – болезнь обжор, пьяниц и бонвиванов, а я вряд ли еще как-то успел отметиться на сём поприще, на что доктор заметил, что у меня, видимо, другая форма подагры, наследственная. Недуг аристократов и гениев, так он и выразился, после чего велел больше гулять на свежем воздухе и есть сырых овощей зеленого цвета.

Возвращался домой я в смешанных чувствах. По пути на вокзал я купил «Справочник самых популярных болезней» и обнаружил, что подагра действительно болезнь нешуточная, особенно в наследственной форме. Мучительная и туго поддающаяся лечению, переводится как «капкан для ног», набрасывается вдруг, и...

Там были средневековые картинки. Подагра изображалась в виде черной зубастой мурены, впившейся в ногу несчастного и пожравшую эту ногу уже до самого колена. Это не радовало.

Но были и плюсы.

Во-первых, я мог получить освобождение от физкультуры. В физической области я был человеком недалеким и на олимпийское золото особо не рассчитывал, освобождение мне не помешало бы.

Во-вторых, я мог на вполне законных основаниях отмазываться от малокультурной домашней работы, например, от собирания колорадских жуков, что тоже не могло не радовать.

В-третьих, подагра на самом деле оказалась болезнью гениев. Несметное количество писателей, художников, изобретателей и естествоиспытателей страдали от подагры, поскольку, как оказалось, в ходе подагрического приступа в мозгу выделялись особые вещества, пробуждавшие в человеке творческое начало.

Одним словом, я уехал из дома заурядным молодым человеком тинейджерского возраста, вернулся же гениальным подагриком. И что самое интересное – очень скоро я понял, к чему именно мне можно приложить свою гениальность. Однажды, покупая в магазине мини-пиццу, я абсолютно неожиданно отметил, что продавщица ловким движением мизинца стряхнула увязшую в ней муху. После чего протянула пиццу потребителю. То есть мне. Раньше я не обращал на подобные мелочи внимания, сейчас же этот факт меня вдруг возмутил. Даже скорее не меня, а мой палец, он вспыхнул злобной пульсирующей болью, я не удержался и сделал продавщице замечание, она ответила не совсем вежливо, ну, это если можно так сказать. Я расстроился и с горя написал в газету. Статья называлась «Сальмонеллез в розницу».

Так все и началось. Внезапно открылось, что жизнь полна мелкой и крупной несправедливости, я набрал дыхания и стал с ней бороться, и, как ни странно, успешно. Оказалось, что у меня есть определенный талант.

Это было достаточно необычно – среди моих родственников совсем не водилось лиц, склонных к интеллектуальной деятельности, все мои предки были людьми вменяемыми и приличными, если, конечно, не считать троюродного дядю Юрия, работника архива. И все мои пращурсы честно трудились в сплавных, вагонных депо, машинотранспортных станциях и в сельском хозяйстве, трудились себе и никогда не промышляли ни пером, ни шпагой, ни «ундервудом», здравомыслящие граждане, и вдруг я! Что за морок, что за нелепая флуктуация? Оказалось, что не совсем уж нелепая; обратившись к архивам и записям краеведов, я неожиданно обнаружил, что в нашем роду такое уже случалось. Хотя об этом предпочитали не помнить, как я понял впоследствии, по вполне понятным причинам.

Итак, я обнаружил следующее.

Давным-давно, в девятнадцатом веке, когда наше озеро было глубоко и изобиловало жирными, размером с лапоть карасями, когда в городе проводилась осенняя ярмарка, уступавшая лишь Макарьевской и Нижегородской, когда холм над водой был высок, а железная дорога едва-едва построена, в город приехал телеграфист Иван Бенгарт, далекий мой предок по немецкой линии.

Иван пошил форменный китель с орластыми пуговицами, устроился при вокзале на телеграфную станцию, начал жить. Работал хорошо, трезво, и скоро к должности телеграфиста прицепил должность начальника почтового отделения, и кроме того, метил в брандмейстеры, и думал уже о женитьбе на купеческой дочке.

Но тут оно и приключилось.

Дело в том, что Иван-телеграфист привез с собой велосипед – для поддержания хорошей физической формы, возбуждения аппетита и профилактики чахотки посредством велосипедных прогулок. Для прогулок Иван использовал тропу, пролегающую над озером, и вот однажды на этой тропе на него напала стая бродячих псов, не одобрявших велосипедные променады. В результате Иван был сильно покусан и пролежал почти неделю в госпитале при пожарной части в ожидании приговора. Напавших собак обнаружить не удалось, выявить, заразился ли Иван бешенством или остался здоров, тоже, Иван чувствовал себя не очень хорошо, у него болели руки и ноги, и как-то всего выкручивало, хотя остальных признаков водобоязни не наблюдалось.

А через неделю после покусания у него открылось странное, весьма неприятное качество – он стал видеть гниль.

Легенда про покусание моего пращура была изложена в художественной форме, так что сначала я подумал, что это просто переписанное кем-то литературное произведение, а не явь. Но оказалось, что история эта была записана самим Иваном Бенгартом, а в архив попала в составе бумаг, изъятых у моего прапрадеда при обыске.

А прапрадеду пришлось действительно нелегко. Он видел червя, таящегося в только что сорванном яблоке, видел ход упорных жуков-древоточцев под корой вековых сосен, коррозию, поселившуюся в спайках велосипедной рамы, плесень, опутавшую чердак, запасливых крыс, тянувших под домом и амбаром норы. Он чувствовал дурной человеческий запах, знал, что булочница уронила в квашню рукавицы, и каким-то небывалым образом осязал прыщи, обитающие на шее околоточного и прикрытые голландским платком.

Жить с такими качествами было решительно невыносимо, Иван долго мучился, а потом вступил в партию социалистов-революционеров, стал бороться с режимом. Дальнейшая судьба Ивана сложилась кривоколенно, впрочем, это не очень важно. Важно то, что мне, видимо, передались его саркастические и подагрические гены. И тот самый гиперкритический взгляд на действительность, который отметил во мне и Кузовлев.

Короче, вот так я и пришел в журналистику.

Про другого своего прадедушку я вообще молчу. Был он родом из знатного, но обедневшего прусского рода...

Хотя об этом лучше потом.

Глава 4

Нежданный друг

Я выглянул в окно.

Пыли в стеклах много, а я ее специально не протирал, для настоящести.

Так вот, выглянул.

Прямо напротив редакции на моем мопеде сидел какой-то каверзный тип. Сидел, выжимал сцепление, давил на тормоз, довольно нагло себя вел, я разозлился. Очень сильно. То есть совсем очень сильно, даже нащупал в кармане баллончик, хотя с таким хлыщом я мог и без баллона справиться.

Что вот это такое – залезть на чужой мотоцикл и нагло на нем подпрыгивать, а? Разве можно себе такое позволять? Ну ладно, если тебе восемь лет, а тут...

Лет пятнадцать с виду.

В костюме. Никто не ходит в костюме в пятнадцать лет. Ну, разве что на свадьбах, похоронах и на ЕГЭ. Ладно, придется разобраться. Видимо, один из моих недоброжелателей, в последнее время много их у меня завелось, если по моему блокноту, то двадцать три, то есть это из действующих, из активных, потенциальных я вообще не считал. И каждый из этих граждан мечтал плюнуть мне в ухо отравленной слюной во время моего дневного отдыха в подшивках «Крестьянки».

Отправился разобраться.

Будка... Ну, то есть Незабудка поглядела на меня с уважением, сморщила глаз, почесала ухо. А я ей кивнул. Выбежал на улицу.

Пыль, пыльное лето какое-то, даже скоростные поезда пылят, никогда такого не случилось. А этот на мотоцикле так и сидит.

Я приблизился к мотоциклу и сказал:

– Ку-ку.

Наглец обернулся.

– Привет, дружище, – улыбнулся он.

– Привет...

Как-то у меня за ухом заболело, вот когда дужкой очков натрешь, а потом загниет и ночью дергает, вот и сейчас сразу задергало, и сразу в палец, между ухом и пальцем натянулась горячая струна, и этот, который сидел на мотоцикле, он за нее дернул.

– Я вижу, камрад Геннадий неплохо поработал над своим пепелацем, – сказал наглец. – Тюнинг, кастомайзинг, фрезеровка. О, ручки с подогревом! И вообще... Молодцы.

А он изменился, подумал я. И очень. Голос вот как был, так и остался. Хотя, пожалуй, стал повзрослее. И поувереннее. И вообще. Изменился. Солидней, мне бы так. А времени всего ничего прошло, года два. Или больше уже?

– Двигатель увеличенного объема, дисковые тормоза, тюнинговый бак...

– Ты стал разбираться в технике? – спросил я.

– Приходится, знаешь ли. Положение обязывает, нельзя отставать, ну и все такое. Так где наш Геннадий?

– В Ярославле, в Суворовском училище.

– Вроде же тебя отец хотел в Суворовское... – вспомнил Жмуркин.

– А отправился Генка.

Какая-то мелодрама, подумал я. Друзья встречаются через двадцать лет, один так и остался сантехником, сидит в трубе, а другой заведует политехническим институтом. Плывут на плоту, песни поют, робинзонят. Тот, кто в трубе, пытается показать, что жизнь удалась. Интересно, кто из нас в трубе?

Неловко. Говорить не о чем, а лет прошло всего немного...

Жмуркин, покоритель подпространства, исследователь жизни, Одиссей экзистенции, человек, устремленный в будущее. Кажется, он хотел стать режиссером. Интересно, стал? Прическу другую сделал, ботинки чистит, в галстук, что самое странное.

Жмуркин помял галстук.

– Генка да, в Суворовском... То есть оно не совсем Суворовское, там какой-то кадетский корпус с химическим уклоном. Короче, сплошная армия, а потом можно в какую-то бронетанковую академию...

– Однако... Веление души?

– Отец законопатил.

– Это по-нашему, по-древнегречески.

– Ну да, по-древнегречески.

Я улыбнулся. Жмуркин продолжал изъясняться вычурно. Как раньше. Все как раньше...

Жмуркин улыбнулся в ответ, протянул руку, я пожал. Рукопожатие у Жмуркина выросло, как и он сам, стало мощным.

Очки исчезли. Линзы. Или операцию сделал. И прыщи тоже. Наверное, тоже операцию, сейчас их как-то вакуумом высасывают, вряд ли прыщи могли пройти так бесследно. Хотя духовное возрождение и все такое прочее, сначала избавь от прыщей душу, затем они сойдут и с лица, так говорил Заратустра.

– Значит, Геннадий двинулся по военной стезе... Да... А тебя как в журналистику занесло? – спросил Жмуркин. – Ты ж вроде не подавал...

– Жизнь заставила, – ответил я.

– А конкретнее? Мне просто интересно – вот живут люди, живут – а потом вдруг раз... И журналисты.

– Одного моего далекого предка покусали собаки, – ответил я. – Это если вкратце.

– А, теперь понятно. Все, вопросов больше не имею, так оно обычно и случается. Знаешь, а на одного моего предка упал горячий самовар. Наверное, это тоже как-то влияет.

Я согласно кивнул. Давно подозревал, что в роду Жмуркиных не все так просто.

– А ты как... – я помотал пальцем в воздухе. – Как тут оказался? Ностальгия? Решил посмотреть, как мы тут в навозе копошимся?

Жмуркин ухмыльнулся.

– Не, я тут проездом в Копенгаген. Знаешь, еду я себе в Копенгаген, вдруг вижу – знакомые места, ну, стоп-кран и сорвал, вышел вдохнуть родной воздух, зарыться ноздрями... Ну и вот – незванный друг на пороге, поджимайте, товарищи, ноги.

Я не нашел что сказать.

– Шучу, конечно. Я по делу.

Жмуркин слез с мотоцикла.

– Тут есть какая-нибудь... столовая? Кажется, за углом была?

– Закрыли. Можно просто, на Набережную сходить, там пирожки. А ты что, теперь по столовым специализируешься?

– Почти, – уклончиво ответил Жмуркин. – Пойдем, что ли, на Набережную.

И Жмуркин двинул первым. Непринужденно, отметил я, раньше он так не ходил. Раньше он все вдоль стенок, да с полуоглядом, на полусогнутых, и в каждом кармане по баллончику, в левом с паралитиком от гопников, в правом перцовый от доберманов... А теперь расправив плечи, – атлант, однако.

Интересно, чем он теперь все-таки занимается?

Слишком самоуверен. И как-то респектабелен. Разбогател, что ли? Или папа-министр нашелся? Подался в бандиты? Молод. Телеведущий? Молод. Или все-таки секта? Вот Жохова

тоже выглядит опрятно, а как рот раскроет, так клей из-под обоев вытапливается. Пиджак дорогой. Что же нужно ему? Заявился после стольких лет...

Вышли на Набережную, Жмуркин огляделся и повернул налево, через двести метров мы устроились в летнем кафе «Карпаччо», Жмуркин заказал мороженое и кофе. Я ничего заказывать не стал, примерно полгода назад я написал небольшую заметку под названием «Карпаччо из Кукараччо», с тех пор я не рисковал здесь обедать, поскольку однажды видел, как официантка плюнула в мою тарелку.

– Да... – Жмуркин вытянул ноги. – Да... Темпора мутантур, как говорили древние. Я вижу, ты процветаешь? Репортерствуешь? Бередишь буржуазные язвы? Не даешь уснуть этому унылому болоту?

– Ну, в меру сил...

– Правильно и делаешь, – похвалил Жмуркин. – Журналистика – это перспектива, ты уж мне поверь. За медиа будущее, ты работаешь в правильном направлении. Главное, не размениваться по мелочам...

Жмуркин сделал круговое движение пальцем.

– То есть? – спросил я.

– Я видел твои работы в Интернете. Бидлески – это, конечно, интересно, в чем-то даже художественно. Та, где негр играет на гитаре, неплоха. И вообще – галерея образов отличная, просто «Мертвые души». Где ты негра, кстати, раздобыл?

– Да живет тут у нас один, Васей кличут, он в пожарной работает...

– Вася хорош, конечно. И там, где трактором рыбу ловят... Есть в этом нечто наше, русское, бескрайнее. Но если по большому счету, это все мелочи, друг мой.

Мне что-то не понравилось, как он со мной разговаривал. Поучающее. Как тренер с сопляками.

– Конечно, ты стараешься работать, критически оцениваешь действительность, ты стал занозой в своем маленьком городишке... Однако ты немного не с той стороны подходишь к проблеме.

Тут я не выдержал и перебил:

– Послушай, Жмуркин...

– Стоп, – Жмуркин значительно покачал головой. – Нет, Виктор, я теперь не Жмуркин.

– То есть?

– То есть поменял. Фамилию то есть. Теперь я...

– Ромодановский, – перебил я. – Валуа-Победоносцев. Кошкин-Трубецкой?

– Не надо впадать в крайности, друг мой. Теперь я Скопин.

И Жмуркин кивнул приветственно.

– Скопин-Шуйский? – уточнил на всякий случай я.

– Просто Скопин, без Шуйского. Это, кстати, девичья фамилия моей мамы. И вообще наша родовая фамилия, между прочим. Восходит к польским королевским родам...

– Зачем? – спросил я.

Жмуркин зевнул.

– Зачем восходит? Или зачем поменял?

– Зачем все-таки поменял?

– Ну... Понимаешь ли, этого требовало... Одним словом, Жмуркин – слишком легкомысленная фамилия. У нас с такой нельзя чего-либо добиться.

– У кого это – у нас?

– У нас, у политиков.

Я ожидал чего-то такого. Во всяком случае, это было логично для Жмуркина, его по жизни всегда кидало. Теперь вот политика.

Достал телефон, сфотографировал. Но Жмуркина это не очень смутило, похоже, что к вниманию прессы он был привычен.

– А я думал, ты в кинематограф подался, – сказал я. – Вроде собирался... Мартин Скорсезе, Джеймс Кэмерон, все такое.

– Ошибки молодости, – улыбнулся Жмуркин. – Мало ли кто чем... Кино лишь отражает действительность, мы же ее преобразуем! Отчасти формируем. Это, сам понимаешь, совсем другой уровень.

– Снежный человек, – припоминал я. – Ферма пираний, Новый год...

– От пираний до политики – рукой подать. История знает много примеров: Рейган, Шварценеггер...

Я улыбнулся. Станный все-таки день. С утра саранча, потом ракета, потом... Потом, кажется, Лаура Петровна. В моей голове выстроилась странная цепочка: саранча – ракета – Лаура Петровна. Неспроста все это было, теперь я вижу. Если утром саранча и Лаура Петровна – в обед политик Жмуркин. Что-то будет вечером...

– И вообще, война и политика – единственные занятия, достойные мужчины, – изрек Жмуркин.

И тут узнал его окончательно. Жмуркин. Да, вырос, да, посерьезнел и сделал операцию на глаза, фамилию поменял, костюм надел, а все тот же Жмуркин. Хочет войти в вечность и раскинуть там свои шатры.

– И ты сейчас... – протянул я. – Кто? Действительный статский советник? Или это... тайный уже?

– Молодежное правительство области, – Жмуркин достал из кармана удостоверение и сунул мне под нос.

Книжка была солидная, с орлом, с флагом, с печатями, позавидовал немного – это тебе не куценькое удостоверение журналистской студии «Окуляр», с которым с трудом пускают даже в местное УВД.

– Комитет по работе с молодежью, значит... – прочитал я вслух.

– Он самый.

– И как работаете?

– По-разному. Фестивали, олимпиады, праздники, походы, следопыты. Тренинги. Короче, организуем.

– Кого? – не понял я.

– Молодежь, я же тебе говорю.

Принесли мороженое, Жмуркин... то есть теперь уже Скопин, достал футляр, из него большую серебряную ложку и стал ею мороженое есть – деловито, без удовольствия, как манную кашу. Даже с некоторым чувством отвращения.

Я подумал, что это из-за политики. Многие знания – многие печали, тяжела ты, шапка Мономаха, в Кремле не надо жить, преобразенец прав, и все остальное, знаем, в культуре чуток разбираемся.

– Организуем молодежь, – повторил Скопин-Жмуркин. – Государство в последнее время обращает, знаешь ли, внимание. Средства выделяют.

– Да...

– Я работаю в международном отделе, – сказал Жмуркин с достоинством. – Связи с общественностью, то, се, пиар, улучшение имиджа области...

– У нас плохой имидж? – поинтересовался я.

– Не самый лучший твоими заботами. И ты у нас не один такой, кстати, правдолюб. Впрочем, дело в другом, долго объяснять...

Скопин-Жмуркин сурово облизал ложку.

– Долго объяснять, буду краток и по делу. Видишь ли, между Россией и Германией действует программа обмена одаренной молодежью.

– О, – сказал я.

– Ну да, о. Студентами, старшими школьниками, аспирантами разными. По этой программе организуются мероприятия, поездки на каникулах, поддержка юных дарований, стажировка в вузах, при желании можно даже немецкий диплом получить...

Я кивнул. Немецкий диплом – это да. Тут бы наш получить какой-нибудь завалыщенький. На бюджет не поступить, на платное денег нет, кисло, я почесал подбородок, продолжил слушать Скопин-Жмуркина. Он рассказывал какую-то историю, видимо, из жизни молодежного правительства, про то, как они поддерживали какое-то там юное дарование.

– ...И эта девочка написала исследование о немецкой средневековой литературе, что-то там о плутовских романах и их внутренней структуре, короче, точно потом узнаю, у меня все тут.

Жмуркин похлопал по портфелю.

– Написала реферат, разместила его в Интернете, на немецком научном сайте. Как оказалось, жена бундспрезидента тоже интересуется этой самой литературой. И эта девочка какую-то там загадку разгадала, которую сто лет не могли разгадать, ну, как в кино просто...

– Что за девица? – спросил я.

– Рокотова. Она в санаторной школе учится. Ты ее знаешь?

– Нет.

Жмуркин вдруг поморщился и вспомнил:

– А не та ли это Рокотова, что собак красила, а? Она нас как, не дискредитирует на мировой арене?

– Это Розанова собак красила, – поправил я, – а Рокотову я не знаю. Если она и красила, то тайно.

Жмуркин рассмеялся.

– Прекрасная у вас тут атмосфера, – Жмуркин глубоко вдохнул. – Как раньше совсем. Такое, знаешь ли, милое провинциальное безумие, трэш дней. Знаешь, между тем, что Розанова красит бродячих собак, и тем, что Рокотова пишет сочинения по древнегерманской литературе, нет особой разницы. Но если копнуть глубже, то обнаружится, что и жена бундесканцлера тоже...

Девочка из санаторной школы, жена бундспрезидента, – как мал стал мир, высморкаться некуда, пять рукопожатий, и ты в Белом доме. Какой у нас интересный город, однако. Все сплошь таланты. То математик, то туберкулезная германистка, про боксеров уж молчу, зубы так в разные стороны и разлетаются, все чего-то мудрят, проявляют себя, активность кипит. Надо проверить – это везде так или только у нас? Может, здесь аномалия? Газ какой из болот поднимается, или тарелка летающая в доисторические годы разбилась, или бесчеловечные эксперименты проводились, много вариантов, недаром ведь в баторе германской филологией занимаются. Раньше там небось клопов на скорость давили, а теперь исследователи, видишь ли, филология-фелиология, наука, короче...

– ...Короче, так. Ваша Рокотова сочинила про Рейнике-Лиса, и тут ни с того ни с сего грянул год Германии в России. Видишь ли, в Германии очень заинтересованы во взаимопроникновении культур, они решили пилотный проект...

– Мы уже пару раз взаимопроникались, – напомнил я. – И пилотно, и подводно, и на суше. До сих пор икается.

– Вот и надо преодолевать старинные обиды, – подготовленно возразил Жмуркин. – На это все и рассчитано! Совместные группы из немецких и российских школьников едут по историческим местам и совершают добрые дела.

– Какие еще дела?

– Всякие. У меня тут список...

Жмуркин достал из портфеля лист.

– ... Вот, тут на любой вкус. Праздник в приюте «Рябинушки», помощь в восстановлении Макарьевского монастыря, если успеем, благотворительный концерт, веселые старты...

– Благотворительный концерт?

– Ну да, – кивнул Жмуркин. – Там среди немцев одна на волынке играет.

– Среди каких немцев? – не понял я.

– Ты меня слушаешь или нет? Я же объясняю: совместная поездка, – мы и немцы. Одаренные подростки из нашего... то есть вашего города. Пока пилотный проект, и немцев едет всего трое, девочка, Александра, и два мальчика. Девочка играет на волынке, причем неплохо, она какой-то там даже лауреат. Вот мы и запланировали концерт, выручку передадим в фонд...

– Пустое дело, – я отмахнулся. – Ты где живешь, Жмур? Кто в России пойдет слушать немецкую волынку?

Жмуркин усмехнулся.

– Ты, Виктуар, недопонимаешь. Узко мыслишь, батенька, провинциально, совсем тут закис. Посещаемость мероприятия зависит не от того, кто на сцене кривляется, а от того, кто его организует. Если, допустим, концерт организуешь ты, то, конечно, никто не придет. А вот если это сделаю я, то от желающих не будет отбоя. И на немецкую волынку пойдут, и на самодеятельность экскаваторного завода. И еще билеты друг у друга вырывать будут.

Жмуркин ухмыльнулся, по-старому, по-жмуркинскому.

– Впрочем, концерт – не самое важное. Главное... Главное другое...

Жмуркин замолчал.

– Короче, маршрут согласован. Едем по Золотому кольцу. Я помню, ты же мечтал.

Ну да, подумал я. Мечтал. Года четыре назад. Поехать, оторваться от родителей и неудачливости, что может быть лучше путешествия? Вообще-то я люблю путешествия, люблю. Только никогда в них не езжу, такая, однако, судьба.

– Едем по Золотому кольцу, – повторил Жмуркин. – Само собой, не по всему, только по центральным городам. Немецкая сторона в свою очередь организует такую же поездку по Рейну, маршрут «Кольцо Нибелунгов». У нас Золотое кольцо, у них Кольцо Нибелунгов. Соответственно, следующим летом. Если все пройдет гладко, то участники мероприятия получат возможность бесплатного обучения в немецких институтах. Как?

– Нормально.

Если честно, то я не очень понял, кто куда едет, какие кольца, какие Нибелунги... Нибелунги никак не вязались с пыльной улицей, со скучными тучами, нависшими над рекой и не решающимися ее перешагнуть, с мальчишкой лет десяти, он шагал по этой пыльной улице, впряженный в самодельную тележку с велосипедными колесами, в тележке синела большая пластиковая бутылка с водой, мальчишка тащил ее с колонки. А мне печально стало, в последнее время мне печально делается почти по каждому поводу, хотя по возрасту еще рано, и палец еще.

– Нормально... – передразнил Жмуркин. – Это не нормально, это очень крупно повезло! Этой Рокотовой нужно бюст в баторе поставить! И вы все должны сказать спасибо этой красавице из батора! Кстати, надо мне туда заехать сегодня, поговорить...

– А ты сам вообще...

– Инструктор проекта, – объяснил Жмуркин. – Что-то вроде пионервожатого.

Жмуркин замолчал. Он откинулся в пластиковом кресле и смотрел на меня с видом победителя.

– Как?

– Ничего. Только я-то тут при чем? Я на волынке не играю...

– Как при чем?! – Жмуркин уронил пальцем вазочку. – Ты не только при чем, ты, можно сказать, центральная фигура.

– Я?

– Конечно. Ты – почти блогер-тысячник, печатаешься в газете, в твиттере, сайт развиваешь. Кстати, если совсем уж честно...

Жмуркин перешел на доверчивый шепот:

– Быдлески – отличная идея, ты на ютубе в рейтингах. Конечно, это немного на грани фола, но народу нравится. А сейчас принято к народу прислушиваться.

– Ты же говорил, что это...

Но Жмуркин уже похлопал меня по плечу.

– Ты, друг мой, творческая личность, даже несколько известная за пределами области...

А потом ты вроде как столп провинциальный независимой журналистики – а на Западе это ценят. И у нас ценят.

– В каком смысле? – осторожно поинтересовался я.

– В прямом. Такие люди нам нужны. Про вертикальную мобильность слышал?

– Не...

– Я потом расскажу. Одним словом, ты, Виктор, ценный кадр. И я тебя включил в список.

– В какой?

– В черный, – спокойно ответил Жмуркин.

– Ага.

– Шутка, – успокоил Жмуркин. – В список одаренных и незаменимых. Мы в ваш Департамент образования две недели назад звонили, просили составить список одаренных детей в количестве десяти персон. Они прислали, а тебя там нет почему-то.

– Я недостаточно одаренный, – сказал я.

– У вас в управлении мне так и сообщили. Есть-де такой, Виктор ака Supostat, скандально известный в узких кругах маргиналов, но особо не одаренный, включать его нельзя, ибо он деструктивный элемент, может опорочить высокое звание, запятнать, ну, и все в том же духе. Не оправдать доверие, короче.

Жмуркин сощурился.

– А ты? – спросил я.

– А я им говорю – деструктивный не деструктивный, однако немцы хотят именно его. Потому что он борец за свободу слова, стальной человек, можно сказать, Махатма Ганди. Что тобой заинтересовались международные организации... Знаешь, словосочетание «международные организации» всегда производит мощное воздействие на чиновников небольших городов.

Что-то я не сильно верил в то, что кто-то там за меня заступился, с каких это перепугов? Хотя, с другой стороны, кто-то же Лауру Петровну впечатлил.

Жмуркин принялся грызть зубочистку.

– И?

– И ты был немедленно вписан. А иначе никак, мероприятие проходит под патронатом губернатора.

Жмуркин замолчал.

– А немцы действительно хотят, чтобы я...

– Какая разница, что хотят немцы? – перебил Жмуркин. – Немцы – это... Эфир. Деус экс машина, вникаешь?

Я вникал. Жмуркин продолжал:

– Вообще, самый главный немец в этом походе – твой старый друг и учитель, так что если у тебя возникнут какие-нибудь немецкие вопросы, то сразу ко мне. Вообще, поход предстоит непростой, можно сказать, два мира – две системы...

Жмуркин прищурился, уставился на меня.

– Или ты спрыгиваешь? В следующую пятницу ты смертельно занят?

Я хотел сказать, что пока никуда еще не запрыгивал...

– Не разочаровывай меня, Виктоуар, – опередил Жмуркин. – Мне кажется, это судьба.

– Что судьба?

– Судьба свела нас снова вместе. Впрочем, не будем о мистике. Видишь ли...

Жмуркин сощурился. Мимика у него стала богаче, и вообще, артистизм прорезался.

– Видишь ли, я с одаренной молодежью давно работаю, хорошо ее знаю... – Жмуркин нервно погрыз ноготь. – Одаренная молодежь – это, брат, ого, к ней в одиночку лучше не соваться, загрызет. Это не мы, однако... Короче, ты что, не можешь помочь своему старому другу?

– Я? Нет... То есть я не против помочь. Просто так... Неожиданно.

– Настоящее дело всегда начинается неожиданно. Вдруг. Внезапно.

Что-то ему надо, подумал я. Раньше Жмуркин бескорыстием ни разу не отличался, скорее, наоборот, задаром и не икнет, не то что о молодежи заботится. И вот этот корыстнелюбивейший Жмуркин вспомнил вдруг старую дружбу, живет-де в городе Г. Петр Иванович Добчинский, в детском саду на соседних горшках сидели, здравствуй, здравствуй, милый...

Что-то надо. Но, конечно, не скажет что. Ну ладно, здравствуй, милый.

– Счастье – оно как голубь, всегда капает неожиданно, – изрек Жмуркин. – Если оно, конечно, действительное. А вообще, юноша, от нашего путешествия тебе приключатся одни сплошные плюсы.

Тут я едва не поперхнулся. Вспомнил, что все наши прошлые невзгоды начинались как раз именно с такой же вот фразы – ну, про сплошные плюсы. Сейчас эти плюсы он живописует.

И Жмуркин немедленно живописал:

– Поход, свежий воздух, немка-флейтистка, кстати, весьма симпатичная. Опять же культурное развитие, Золотое кольцо, оно само по себе возвышает, одним своим воздухом. Комфортабельный немецкий автобус. В институт опять же немецкий пристроишься...

– Культурное развитие, говоришь?

Жмуркин кивнул.

– Ну, понятно, – сказал я. – Мне от этой затеи сплошные печеньки. Тебе... дружеская поддержка. А проекту? Зачем проекту нужен я?

– Проекту нужен летописец, – ответил Жмуркин.

– То есть?

– Вести блог, записывать путевые впечатления, мысли, происшествия. Как раз для тебя.

Потом книгу издадут. В Германии, само собой.

Я почесал подбородок.

– Ну, вот и хорошо, значит, послезавтра отъезжаем, – сказал Жмуркин.

Он поднялся из-за стола.

– Уже послезавтра?

– Есть проблемы?

Есть. Сто двадцать тысяч разных проблем.

– Нет, – сказал я. – Хоть завтра.

– Вот и отлично. Ознакомься со списком участников, завтра в три организационное собрание в кинотеатре. Изволь. И еще вот.

Жмуркин извлек из портфеля лист бумаги, оставил его на столе.

– Изучи, – Жмуркин постучал по бумаге пальцем. – Табель о рангах с подробным именованием пристрастий. Может, кого-нибудь стоит вычеркнуть, погляди?

– Это одаренная молодежь? – поинтересовался я.

– Самая отборная. Лучшие люди. Можно сказать, элита.

Жмуркин цинически зевнул, почесал под мышкой и направился прочь, попрощаться со мной не удосужился.

Глава 5

Лучшие люди

Отец был «за».

Мать была «против». Но недолго.

Меня отпустили.

Я собрался за два часа. Взял тапочки, трусы, три майки, штаны. Камеру, ноутбук, блокнот, термос. Мать настояла на кипятильнике и теплых, невзирая на лето, носках. Отец не знал, что дать в дорогу, дал раскладной стульчик и родительское благословение.

– А кто еще едет? – спросил он. – Знакомые ребята?

– А как же. Лучшие люди, одаренная молодежь. Как один, сплошные дартаньяны. И парочка дартаньяниц.

– Лучшие люди? – насторожилась мать. – А именно?

Я передал ей список, она близоруко сощурилась, прочитала.

– Пятахин... Пятахин? С каких это пор он лучший? Да еще и поэт... Поэт?!

– Это правда, – сказал я. – Поэт. Знаешь, как там это... лишь солнце за рощу зайдет... Короче, он долго скрывал свой талант, и вот совсем недавно все счастливо обнаружилось. Пишет стихи. Публикуется. На семинары молодых авторов регулярно ездит. Одним словом, поэт.

– Смотри-ка ты, – удивилась мать. – А с виду дегенерат. А этот? Гаджиев Равиль... Он что, действительно на баяне играет?

– Не знаю... То есть да, конечно. Почти виртуоз. Он это... оригинальный аранжировщик.

– Да, интересно... – мать покачала головой и продолжила изучать список. – Интересно...

Иустинья Жохова... Что за Иустинья?

– Устька Жохова, – пояснил отец. – В проруби два года назад топилась, не помнишь?

– Ее за это в поездку взяли?

– Нет, за благотворительность, – это уже я ответил.

– За что?! – не поверила мать.

– За благотворительность, – повторил я.

Мать рассмеялась.

– Всем известно, за что ее взяли, – за папу, – сказала она.

– Может, и за папу, – не стал я спорить. – Но еще и за благотворительность. Помнишь, когда оползни были? Так вот, Жохова не спала три ночи и три дня и связала для пострадавших носки, сорок пар, между прочим. Пальцы себе в кровь истерла...

Мать устало поморщилась и передала список мне.

– Ты попал в прекрасную компанию, – сказала она. – Будет где развернуться твоей мизантропии. Дерзай, сынок.

Я не стал спорить, отправился к себе со списком, лег на диван. Список на самом деле был выдающимся: поэзия, Серебряный век на крыльях баобаба, я читал медленно, наслаждаясь каждой строкой.

Итак.

1. Пятахин Влас, поэт

2. Жохова Иустинья, благотворительность

3. Скрайнева Лаура Петровна, общее руководство

4. Скрайнев Павел, победитель областной математической олимпиады

5. Гаджиев Равиль, музыкант

6. Снежана Кудряшова, спортивное ориентирование

7. *Листвянко Вадим, бокс*
- 8 *Герасимов Захар*
9. *Рокотова Юлия, филолог*
10. *Бенгарт Виктор, журналист, блогер*

Я перечел трижды, каждый раз ощущая небывалое душевное волнение, а после и радость, такую, неудержимую. В кончиках пальцев зажило озорное покалывание, которое я обычно ощущал перед Большой Работой. Вообще, я думаю, такое покалывание ощущают несколько категорий граждан: великие кулинары, наемные убийцы, журналисты. Кулинарии я чужд.

Я читал, и у меня в голове взрывались мощные образы своих попутчиков и грядущие картины нашего путешествия, которое, даже исходя из этого списка, обещало стать незабвенным. Итак, список лучших, еще раз, с оттягом.

1. Пятахин Влас. Сын начальника Департамента культуры. Популярность приобрел полтора года назад – на Первое мая стащил у отца мегафон, ходил по городу и пугал прохожих пронзительным мегафонным рыганием. Более известен как Пятак. Пятак, его все так называют. На некоторых он, кстати, обижается.

Вообще, попервой я не хотел снабжать своих спутников прозвищами, однако потом подумал, что так будет интереснее. И решил снабдить. У Пятахина прозвище уже наличествовало.

2. Жохова Иустинья, дочь пресвитера Жохова, окормляющего популярную в нашем городе Церковь Сияющих Дней. По непроверенным данным, топилась в проруби от несчастной любви. Если честно, насчет ее благотворительности я ничего не знал, поскольку старался держаться от Жохова-старшего и его общины подальше, на выстрел из австрийской пневматической винтовки, если точнее. Это после статьи «Пастырь-Кашкай».

К Жоховой никакое прозвище вообще не клеилось, ну разве что Юдифь, такая ж бледная и в длинной юбке, и в глазах непоколебимость. И с мечом – наверняка хранит в ридикюле отравленный стилет с распятием. Или распятие с отравленным стилетом внутри – а вдруг кто покустится? Ладно, Жохова останется Жоховой, честной отроковицей.

Тут я внезапно вспомнил про «Юности честное зеркало» и подумал, что слово «зерцало» гораздо интереснее, если думать о нем как о глаголе. Впрочем, отвлекся.

3. Скрайнева Лаура Петровна, замглав Департамента образования, женщина незыблемых правил. Вот точно: Жохова – непоколебима, Скрайнева – незыблема, так. Мать с большой буквы. От Лауры Петровны я тоже старался держаться. После статьи «Паша широкого профиля».

Глядя правде в глаза, Лаура Петровна несколько диссонировала со списком одаренной молодежи, но я сказал себе, что в наши дни на одаренную молодежь надо смотреть действительно шире, Лаура Петровна еще не пожилая, хотя, может, и выглядит солиднее своего возраста.

4. Скрайнев Павел Лаурович, сын Лауры Петровны, остолоп.

5. Гаджиев Равиль. Про Гаджиева я ничего особенного сказать не мог, кроме того, что Равиль был сыном известного районного хирурга. Может, он и на самом деле был музыкантом, кто его знает? Угрюмый такой. Папа его мне карбункул вырезал, вырезает – и анекдоты про росомах рассказывает, и уши как пельмени, и у папы и у сына... Пельмень? Не, не то. Гаджиеву кликуха как-то тоже не придумывалась, потом.

6. Снежана Кудряшова, МЧС. То есть папа у нее МЧС. И мама. И старший брат, все представители клана Кудряшовых являются большими специалистами по разного рода чрезвычайным ситуациям. Сама Снежана ничем вроде особым не выделялась, не пела, не плясала, в проруби не топилась. Ну, разве что красота. Коса до пояса, рост, походка, тут славянские боги не поскупились, скорее, наоборот. Снежана, она Снежана и есть, видишь Снежану – и думаешь: Снежана. И сразу какие-нибудь Альпы представляются, курорты болгарского края.

7. Листвянко Вадим, МВД. И папа МВД, и мама, и прочая, прочая. Спортсмен. Это правда. Бокс. Разряд. А еще большой друг Снежаны. Вероятно, в обозримом будущем МЧС должно было объединиться с МВД. Кажется, его зовут Дубина. Потому что похож – это раз, потому что рука, как дубина – это два. Ну, и фамилия соответствует.

8. Герасимов Захар. Кто такой? Видимо, Герасимов Захар был так велик, что про него не написали ничего. Скорее всего, баторец, всех городских я кое-как знаю. Тубербой. Муму. Если Герасимов, то Муму, это святое. Ну, или Герасим, как себя, короче, вести будет.

9. Рокотова Юлия, филолог. Она, германистка, виновница переполоха. Тубергерл. Сочинила трактат про Симплициссимуса, Рейнеке-Лиса и их нелегкую долю на просторах Тридцатилетней войны. Нет, Тубергерл однозначно.

10. Бенгарт Виктор, журналист, блогер. Лаура Петровна не отказала себе в удовольствии, вписала меня от руки, да еще и мелким ничтожным почерком.

Поехали.

Глава 6

Отъезд

Утром я ушел из дому пораньше и сидел на скамейке возле вокзала, ждал. Раньше меня пришла только Жохова, но со мной она разговаривать не стала, разложила складное кресло пуританского цвета, сидела скромно, читала. Остальных не было. Чуть подалее, у почты, стоял автобус, большой, похожий на океанский лайнер, зеленого цвета корабль, готовый увезти меня в светлое университетское будущее. Автобус меня порадовал, я уселся на вкопанную в землю покрывку и стал ждать. Это было довольно утомительное занятие, ждать, но домой возвращаться было далеко, и я решил здесь сидеть. Смотрел на Жохову, пробовал ее гипнотизировать, думал, что неплохо бы по прежним обычаям завести лорнет и при встрече на своем пути какой-нибудь Жоховой немедленно ее лорнировать, если верить классике, это их здорово раздражает, сам Печорин завещал.

Впрочем, я и без лорнета неплохо справился. Сидящая поодаль Жохова скоро не выдержала моего пристального взора и кинула в мою сторону неодобрительный взгляд, и тут же неожиданно побагровела, что в сочетании с ее серым платьем выглядело пикантно, я порадовался и даже послал Жоховой аэропоцелуй. Жохова едва не воспламенилась, не в лирическом смысле этого слова, а в буквальном. Чуть не загорелась, короче.

Я решил, что не следует форсировать события с Жоховой, я еще успею поразить ее сердце бешеным огнем своей куртуазности, поэтому я от Жоховой отвернулся и стал развлекаться сочинением названий. Для книги, которую когда-нибудь непременно напечатают в Германии. Должно же быть у книги название? Я вообще люблю придумывать названия, как и прозвища, в этом что-то есть, иногда статьи сочиняются под названия, я по себе знаю.

«Сентиментальное путешествие с короедами»? «Рейд чумовоза»? «Зомби Золотого кольца»? При чем здесь зомби? Хотя надо, конечно, смотреть шире...

– Привет, – сказал Жмуркин.

Он появился вдруг, я даже и не заметил откуда, наверное, дождался на почте, наблюдал издали, молодец, так все вожди поступают.

– Мне нравится твой подход, Виктоуар, – Жмуркин покровительственно кивнул. – Побеждает тот, кто приходит на поле боя первым.

Жохова, значит. Этого и следовало ожидать.

– Ты готов?

– Готов. А ты?

– А я подавно. Я гляжу, наша Устинья уже на месте, пойду поздороваюсь.

Жмуркин пошел знакомиться с Жоховой, почти сразу вернулся и серьезно спросил:

– Она нормальная?

– А что?

– Да так... – Жмуркин потер лоб. – Что-то у меня дурные предчувствия...

Он вздохнул и принялся бродить туда-сюда по привокзальной площади, издали поглядывая на Жохову с опаской. Не зря, кстати, я заметил, как на улице Вокзальной, чуть подалее, как бы в тени беспечных летних деревьев, остановился фургон «100500 мелочей», фирмы, принадлежавшей отцу Жоховой. Лично у меня при взгляде на фургон сложилось вполне четкое ощущение, что на меня смотрят через перекрестие оптического прицела, вполне может быть, что так оно и было.

Остальные путешественники тоже стали потихоньку подтягиваться, на площадь съезжались автомобили, достойные списка лучших людей, одна Лаура Петровна приехала на заурядной «десятке». Все выгрузились и разбились на группки: МЧС к УВД, педагогика к медицине, батор отдельно, им не к кому было приставать. Собственно, все эти Листвянки и Скрайневы и

все остальные интересовали меня не шибко, с ними я успел пообщаться на организационном собрании, а вот саму Рокотову я допрежь не видел. И Герасимова. На собрание они не явились, и теперь мне хотелось узнать почему. Направился к баторским.

Рокотова и Герасимов стояли возле фонаря и молчали. Рокотова... ну, вообще никакая. Герасимов тоже. Их никто не провожал, и, как мне показалось, они пришли к автобусу пешком, выглядели они при этом решительно и классово чуждо. Не то что как-то нешибко наряжены, наоборот, неплохо, даже дорого, у Герасимова я заметил кроссовки тысяч за пять, не меньше, а Рокотова облачила свою фигуру в вязаную кофту, причем какой-то хитрой, сразу видно, что не дешевой вязки.

– Как самочувствие? – нагло осведомился я.

– Хорошо, – неприветливо ответил Герасимов. – А что?

Подозрительный какой.

– Говорят, у вас там вспышка инфекции, – я кивнул подбородком в сторону батора. – Лихорадка нижнего Нила, вирус Эбола, все такое. Многие заразились.

– Нет у нас никакой лихорадки, – ответил Герасимов.

Поглядел на меня недоброжелательно, – впрочем, понятно, баторцы городских не очень любят.

– Как это нет лихорадки? – удивился я. – А Лаура Петровна нам вчера сказала, что у вас там все совсем плохо. У всех поголовный понос, диарея и общее недержание организма.

– Нет у нас никакого недержания, – строго ответила Рокотова. – А ты, наверное, Бенгарт?

И так прищурилась, недобро. А я стал вспоминать – не писал ли я чего-нибудь про батор? Если и писал, то только положительное, ну, разве что про компьютерный класс немного ругнул. Что класс есть, а толку нет, потому что нет программ. Не очень, кстати, обидно написал, в меру. «Железо на марше» или так как-то. Хотя кто их, баторских, знает, может, злобу затаили на слово правды.

– Ну, Бенгарт, – сказал я. – А что?

– Ничего. – Рокотова отвернулась.

А Герасимов так по-медвежьи на меня уставился, точно я был его кровный враг, хотя мы с ним еще ни разу не поссорились даже.

– А ты Рокотова? – опять нагло спросил я. – Это ты про Карлссона сочинила?

Рокотова демонстративно отвернулась.

– Значит, ты. Я вот всегда хотел у тебя спросить...

– Потом спросишь, – сумрачно оборвал меня Герасимов. – Ты вообще знаешь что...

– И запор, – в ответ перебил я.

– Что запор? – не понял Герасимов.

– У вас, как я погляжу, в баторе не только понос, – улыбнулся я. – Но и наоборот. Знаешь, есть прекрасный способ...

Герасимов стал увеличиваться в размерах от злости, ситуация начала обостряться, я уже подумывал, как выйти из этого положения с честью... Помог Лаурыч. Паша Скрайнев, остолоп. Он подошел к нам, улыбнулся в соответствии со своим внутренним миром идиотически и сказал:

– А я был однажды в санаторке. Нас там гороховым пюре угощали.

Рокотова остолбенела от ярости. Они там, в баторе, все очень большие патриоты. И если кто-то на батор тянет, они просто в бешенство приходят.

– Вот о гороховом пюре и поговорите, – сказал я и отправился грузиться в автобус.

Вещей у меня было немного, рюкзак и чемоданчик, я забросил рюкзак в багажное отделение, успев отметить, что там уже расположилось несколько дорожных сумок явно заграничного происхождения. Немцы.

– Внимание! – крикнул Жмуркин в мегафон. – Внимание! Организационный момент! Все собираемся на площади! Внимание!

Из автобуса выбрали немцы, два парня и девчонка, сразу видно – не наши люди, обувь у всех чистая, на лицах нет прыщей, волосы без перхоти. Я сразу решил, что немцев буду называть просто – Дитер и Болен, у меня мама любила эту группу, до сих пор иногда слушает и слезу роняет. А вот для девчонки прозвище сразу не придумалось, и мне это понравилось. Я люблю людей, к которым кличка не липнет сразу, к немецкой Александре она не липла.

Немцы робко огляделись и направились к Жмуркину, а я забрался в автобус и выбрал себе местечко недалеко от туалета. Специально. Вот захочет Иустинья Жохова освежиться, а я стану на нее ехидно смотреть, Жохова засмущается и сделает вид, что просто решила размяться, вернется на свое место и будет мучиться. Благодать.

Ко мне подошел водитель. У него тоже был какой-то немецкий вид, усы, пузо, костюм, я подумал, что его зовут, наверное, тоже соответствующе, как-нибудь на букву «ш», Штрассенбокль.

– А ты чего не выходишь? – спросил Штрассенбокль по-русски.

– У меня недостаточность, – ответил я.

– Какая еще недостаточность?

– Общая. Могу показать, если хотите.

Я стал задирать майку.

– Нет, не надо, верю. – Шутгерфлюг усмехнулся и отправился на место водителя.

А я устроился поудобнее, надул подушку для шеи и подумал, что буду каждый раз придумывать ему новую фамилию, для развития фантазии. Задремал, сквозь сон до меня доносились дружные вскрики, хлопки в ладоши, смех и прочее прощание славянки, кажется, кто-то стучал в барабан и дул в трубы. Хотя вполне может быть, что это мне приснилось.

Спал я, кажется, долго, проснувшись же, обнаружил, что автобус вовсю катит по федеральной трассе. По сторонам мелькали деревни разной стадии заброшенности, постоянные дворы с заправками, лесопилки с горами отработки, всякая прочая разруха, я вздохнул счастливо и свободно, отметив с удовольствием, что путешествие началось.

Путешествие началось! Дом остался позади, остался позади город, и юная журналистика, и всякая прочая дребедень, впереди была дорога и море удовольствия. Я не сомневался, что лучшие люди нашего города оправдают мои ожидания. Я очень надеялся, что они мои ожидания превзойдут.

Я счастливо улыбнулся и огляделся.

На соседнем ряду сидел Жмуркин, двигал бровями, изучал записную книжку, и на лице у него блуждало некое сомнение. Я его понимал. Если честно, я бы на его месте остановился бы километров через пятнадцать и выкинул бы всех лучших в канаву. Ну, кроме немцев, о них мы ничего не знали, может, они вполне приличные.

Немцы, кстати, держались кучно, устроились на первых сиденьях и молчали. Дитер смотрел в окно, Болен смотрел в навигатор, Александра читала, кажется, что-то на русском. «Prestuplenie und Nakazanie».

Александра была, кстати, ничего, то есть сразу мне как-то понравилась. Глаза большие, и лицо осмысленное, душа проглядывает, кажется, у нее папа дирижер оркестра. Девушка из интеллигентной немецкой семьи, одним словом. Правда, к ней тут же стал липнуть Лаурыч, причем, как мне показалось, с явного одобрения матери, видимо, Лаура Петровна очень хотела укреплять международные отношения. Но Лаурыч меня не очень смущал, если честно, Лаурыча в потенциальной схватке за сердце Александры можно было не учитывать, я его сморчком перешибу. Да и Александра... Могу поспорить на правое ухо, что с Лаурычем Александра дружить не станет.

Поэтому я немного успокоился и побеседовал со Жмуркиным. Опять же о немцах.

– Немцы отборные, – заверил Жмуркин. – В смысле, сам отбирал.

– То есть?

– В прошлом году в Шартомский монастырь приезжала группа скаутов, двадцать человек.

– Скауты?

– Юные разведчики, – пояснил Жмуркин. – Баден-Пауэлл, нашивки на рукаве, все такое.

Забыл, что ли? Икона, монастырь, скаут-мастер Буров?

Действительно, подзабыл. Времени вроде мало прошло, а точно сто лет. Так все это далеко.

– Так вот, приезжали немецкие скауты в российский монастырь, примерно как у нас тогда. Я курировал.

– И как?

– Плачевно. Швабский хор мальчиков, угодивший в племя людоедов, примерно в этой плоскости.

Жмуркин поморщился.

– Плачевно, брат, уныло, друг. Я заранее предупреждал немецкую сторону – нужны стойкие дети, привыкшие переносить лишения, трудности, неприхотливые в быту. Лучше всего из бывших наших или хотя бы родившиеся в этих семьях. На крайний случай малолетние немецкие преступники. Но наши не захотели возвращаться, преступники тоже отказались, немцы скаутов и подогнали. Как самых-самых оловянных. Хотя я их сильно предупреждал.

Жмуркин похлопал себя по лбу блокнотом.

– В первый же день, знаешь ли... Ну, в сам монастырь нас, само собой, не пустили, мы в лесу расположились, рядом – ну, как обычно это делается. Там специальная площадка отведена, кусты повырублены, туалеты поставлены, череп лося. Лагерь как лагерь, вполне себе на уровне. Так там эти немецкие скауты мне в первый же вечер такое закатили...

– Сортиры? – угадал я.

– Само собой. Все вроде бы ничего, песни пели, узлы вязали, а потом одна девочка посетила... Короче, с ней истерика приключилась. Кричала: милый дедушка, Франц Альгемайнович, забери меня отсюда, немедленно, здесь... Здесь... Как это будет на языке Гёте? *Arsch dem Welt?*

С языком немецкой классики я был немного знаком.

– Все так плохо? – спросил я.

– Еще хуже. Семь человек продержались десять дней, потом и их комары доконали. Они, видите ли, думали, что в лесу комаров нет.

– Как?

– Так. У них в Германии комаров нет – и под каждым кустом ватерклозет. Так-то. Через неделю пришлось вызывать вертолет, эвакуировать их в срочном порядке... Классика жанра.

– А этих где нашел?

Жмуркин ухмыльнулся.

– О, эти, – он кивнул на белобрысые затылки. – Эти – серьезные люди. Девчонка... Эта, Александра... Она, во-первых, музыкант – то есть все время в разъездах. Я посмотрел на ее послужной список – она даже в Алжире была с концертами, не думаю, что у нас хуже Алжира. Во-вторых, у нее папа военный...

– Ты говорил, он дирижер оркестра, – напомнил я.

– Ну да, дирижер. Военного оркестра бундесвера. Воспитание суровое, девчонка закаленная. Я думаю, потянет.

– А пацаны?

– Томеш и Кассиус...

Дитер и Болен.

– Томеш и Кассиус тоже не лопухи, подготовленные ребята. Только глухонемые.

Тут уж я едва не рассмеялся, перед этим сам едва не утратив дар речи. Пятахин – поэт, Лаурыч – математик, Иустинья топилась в проруби, Дитер и Болен – глухонемые. Отличная у нас компания, хоть парашютную школу открывай. Пятахин, деревень, Иустинья, дочь сатаниста, все как надо.

– То есть не глухонемые, а с альтернативным восприятием, – поправился Жмуркин. – Радикально тугоухие. Сам понимаешь, такие ребята гораздо крепче обычных, закалены невзгодами и все такое. В прошлом году, между прочим, ездили на озеро Байкал с экспедицией, продержались полтора месяца, сами еду готовили, сами носки стирали. И к сортиру полевому привыкли, и к кильковому супу. Интересуются, короче, русской культурой.

Жмуркин сказал это серьезно. А может, и нет, я не понял.

– Нет, однозначно хорошие ребята, по-русски по губам легко читают, не сопли, короче. Кроме того, Томеш художник, а Кассиус...

Чем занимался Кассиус, Жмуркин подзабыл, заглянул в шпаргалку.

– Кассиус, короче, дайвер вроде как.

– Глухой дайвер?

– Ага. Но не просто. Он занимается... дельфинотерапией. Одним словом, разные инвалиды... ну, то есть альтернативно мобильные, они плавают с дельфинами, и от этого им вроде как лучше становится.

Я посмотрел на Дитера и Болена с уважением. Почему-то – не знаю почему, мне представлялось, что эти – настоящие. Дитер умеет рисовать, Болен ныряет с дельфинами. Это тебе не Паша широкого профиля, специалист в разных областях знаний, остолоп.

– Да, компания хорошая подобралась, – согласился Жмуркин. – Поэты, спортсмены, филантропы... Меня вот эта Жохова смущает только...

Это он сказал уже негромко.

– Она все время читает что-то... Что она там читает?

– Книги, – ответил я.

– Книги... Книги – это, конечно... Хотя странно. Кто сейчас книги читает? Это нормально?

– У нее папа – библиотекарь, – соврал я, – вот с детства к чтению и приучил. Патология, но что поделаешь?

Жмуркин задумчиво потрещал подбородок.

– Как-то она на Святую Бригитту похожа, – сказал он. – Такая... изнеможденная.

– Изможденная, – поправил я.

– Ну, пусть изможденная. Ей можно доверять?

– Как мне, – сказал я. – Как себе.

– Как-то она... – Жмуркин покачал головой. – Суицидально выглядит, а? Ты так не считаешь?

– Истощена милосердием, – пояснил я. – Много работала в лепрозории.

Жмуркин поперхнулся. Все-таки наивные черты в нем сохранились, не все общественная работа подъела.

– Шучу, – сказал я. – У нас нет лепрозория, просто в больнице работала. Отец библиотекарь, мать медсестра. И Устька тоже хочет. Помогать страждущим, туда-сюда. Она вяжет носки для неимущих, иногда с таким остервенением, что стирает себе в кровь пальцы.

Про утопление в проруби, магазин «100500 мелочей» и Церковь Сияющих Дней я умолчал.

– Это хорошо, – сказал Жмуркин. – Хорошо, немцы такое уважают. Самоотречение всякое... У нас в программе два визита, один в детский дом, другой в дом престарелых. Не подведут?

Жмуркин кивнул на контингент.

- Нет, ты что, – успокоил я. – Они же с цепи так и рвутся – доброе дело хотят совершить.
- Ну-ну... Посмотрим.

Жмуркин достал планшетник и стал сверять маршрут, но почти сразу вернулся от маршрута к тревожным мыслям.

– Должны вообще-то, – сказал он. – Ну, не подвести. Хотя ничего нельзя гарантировать, конечно. Вообще, немцы суровые. Александра уже у нас была с оркестром...

- Ты говорил, – напомнил я.
- Ага. В Алжир... Не, в Тунис ездила.
- Тунис – это тебе не Золотое кольцо.

– Поглядим, – отмахнулся Жмуркин. – Вообще, с девчонкой проблем, я думаю, не возникнет. Но на всякий случай ты за ней пригляди. Сам понимаешь, племянница бундесканцлера.

– Что?

– Ага, – кивнул Жмуркин. – Троюродная, но все равно. Мало ли. Может что-то неправильно понять, ясно? Она неправильно поймет – а ты ей как надо объяснишь.

– Без проблем.

Пригляну. Отчего же не приглядеть. Пора выходить на международный уровень. В своем отечестве я мало востребован, отправлюсь в сторону Запада. Скажу, что мне тут рот затыкают, не дают правду доносить до народа. Вот, к примеру, Лаура Петровна – она меня всегда ущемить готова.

Я поднялся и, держась за спинку соседнего сиденья, громко спросил:

– Лаура Петровна, а когда мы в питомник заедем?

Лаура Петровна обернулась:

- В какой питомник?
- Как в какой? В змеиный. Мне сказали, что мы непременно заедем в питомник.
- Ты что-то путаешь, Витя, – заметила Лаура Петровна. – В питомник мы не заедем.
- А почему? Почему мы не заедем в питомник?

Лаура Петровна растерялась. А я смотрел на нее с обличием. Честно говоря, я совсем не знал ни про какой питомник. Хотя нет, знал, но не про змеиный, а про питомник выхухолей, но он тут был совсем ни при чем. Просто мне захотелось ее немного позлить. В ознаменование начала путешествия. Злить Лауру Петровну ведь так приятно. Я бы даже сказал, что это оказывает на меня терапевтический эффект. Нормализуется внутричерепное давление. И потом, немного отравить ей настроение было просто моим святым долгом, когда отравляешь настроение начальствующему работнику, он начинает гораздо лучше работать. Почти в два раза лучше. Иногда в три. Для этого, кстати, журналистика и придумана – чтобы повышать эффективность всякого производства, ведь для того, чтобы лошади шибче бежали, их принято жарить шпорами. Впрочем, на этот счет у меня своя теория.

– Виктор, я не знаю, про какой питомник ты говоришь, – повторила Лаура Петровна.

– Ну да, никто не знает, – сказал я. – Это тайна. Из городского бюджета выделяются деньги на содержание змей, причем деньги немалые, в то самое время как в тот же городской бассейн уже пять лет не могут налить воду. А змеи ничего, размножаются! Каждый день по полкоровы съедают. Лаура Петровна, а правда, что наш мэр большой любитель...

– Виктор, прекрати этот балаган! – рассерженно сказала Лаура Петровна. – Это возмутительно!

Она стала усиленно выражать прической неодобрение и шептать – «я же говорила его не брать».

А я подсел к Александре и сказал:

- Примерно вот так.
- Не поняла... Что вот так?

Александра поглядела на меня, и я вдруг увидел, что глаза у нее прекрасны. Такие большие немецкие глаза, глубокие, темные, выразительные, мне сразу же захотелось написать что-нибудь лирическое, про Рейн, про красавицу Лорелею, потрянуть, так сказать, стариком Гейне.

– Примерно вот так в нашей стране угнетают свободу слова, – пояснил я Александре. – Бюрократизм, коррупция. А как там у вас, в Рейнвестфалии?

– Я из Баварии.

– И это прекрасно, – сказал я. – В Баварии пекут прекрасные соленые крендели. Это так?

– Да... – растерянно сказала Александра.

– Всю жизнь хотел попробовать.

Я придвинулся к Александре ближе и стал смотреть в ее глаза.

– Всю жизнь, – повторил я. – Мечтал. Вкусить хрустальных вод, так сказать, с родных холмов, с любимых перелесков. Пожевать желудей из Тевтобургского леса... Я ведь, между прочим, тоже немец. И моя бабушка тоже печет крендели. И до сих пор проливает горючие слезы по недосыгаемой родине.

– Ты немец?! – удивилась Александра.

– Да. Еще в восемнадцатом веке мои предки перебрались в Россию, спасаясь от гонений...

Я не очень помнил, какие там были гонения, наверняка какие-нибудь были.

– Мы из Восточной Пруссии, – сказал я. – Из-под Кенигсберга. Мой прапрадедушка был потомственным...

За окном промелькнула стела, возвещавшая, что наш район безвозвратно закончился. И тут же автобус начало трясти, причем довольно сильно, ухабы оказались глубокие, подбрасывало изрядно, Александра схватилась за мою руку.

– Колдобины! – проявила Александра неплохое знание русского.

– Всего девять километров, – успокоил я. – Полчаса езды по ухабам.

– Зачем так сделано? – задала Александра типично нерусский вопрос. – Зачем ухабы?

– Как зачем? У нас же военные базы в районе. Ядерные ракеты, опять же питомник боевых гадюк, у Лауры Петровны дача. Нельзя допустить, чтобы враг мог легко добраться до секретных объектов. Это еще Сталин завещал.

– Что? – не поняла Александра.

– Делать плохие дороги. Девять километров всего, можно дыхание задержать. Вот смотри.

Я задержал дыхание. Александра рассмеялась. Неожиданно в трех рядах от нас возник Пятахин.

– Я язык прикусил! – завопил он. – Остановите!

– Там кто-то язык откусил! – с тревогой сказала Александра.

Пятахин пронзительно поглядел на Александру. Наверное, тоже уже прослышал, что племянница бундесканцлера.

– Я прикусил!

Пятахин выставил язык, кончик на самом деле красный.

– Я страдаю!

Александра смутилась.

– Не волнуйся, это Пятахин, – опять успокоил я. – Он... альтернативно одаренный. То есть дурак.

– Дурак?

– Ну да, – я улыбнулся. – То есть он поэт, конечно, но еще и дурак немного. Рюбецаль.

А стихи хорошо сочиняет. Лермонтов в молодости просто.

– Лермонтов?

– Это как Пушкин, его тоже убили.

– Может, его к врачу? – Александра кивнула на Пятахина, который так и стоял с высунутым языком, раскачиваясь на ухабах, но рта не затворяя.

– Его к ветеринару хорошо бы, – сказал я. – А к врачу его уже возили неоднократно, ничего не помогло, такой уж уродился.

Александра поглядела на Пятахина уже с опаской.

– Да ты не переживай, ему язык совсем не нужен, – сказал я. – То есть если он станет чуть короче, то для Пятахина это только благо, некоторым людям язык только во вред.

Пятахин застонал.

– Ничего, – сказал я. – Грязью замажет, и все.

Александра округлила глаза.

– Это традиция, – пояснил я. – Иван Сусанин-стайл. Ты знаешь, кто такой Иван Сусанин?

– Нет...

– О, значит, ты ничего не знаешь о загадочной русской душе. Вот про Гагарина, наверное, слышала?

– Конечно.

– Сусанин – это Гагарин наоборот. Кстати, тут недалеко все это происходило, буквально вот-вот...

Я указал пальцем в окно, на пробегающие поля.

– Кстати, может, к Сусанину и заедем. Сейчас спрошу.

Я поднялся и снова призвал Лауру Петровну:

– Лаура Петровна, а правда, что мы на могилу Ивана Сусанина заедем? В программе, кстати, предусмотрено. Вот немецкие граждане очень интересуются могилой Сусанина.

– Значит, мы будем там в соответствии с расписанием, – ответила Лаура Петровна не оглядываясь. – А вообще, Виктор, подойди, пожалуйста, ко мне. На пару слов.

И так пальцами прищелкнула.

– Яволь, кнедиге фройляйн! – я щелкнул каблуками и направился к начальнице.

Толкнул Пятахина, ну, чтобы не торчал возле немцев со своим кровавым языком, могут неправильно понять.

А вообще, конечно, путь открыт, и пятки горят, и вообще. И надо какую-нибудь запись, что ли, сделать. Возвышенным языком Ломоносова.

Отверзся путь, как чистый лист, и я в пути. Я оптимист.

Тег «Оптимизм».

Глава 7

ЗРД и другие сумрачные гении

«Именно здесь, в Щельково, в дремучих лесах северного края, сумрачный гений Островского произвел...»

Я узнал много нового про Островского.

Александра прослезилась от пересказа скорбной баллады про Снегурочку, Леля и Мизгиря.

Болен долго изучал пруд под горкой, наверное, думал, можно ли нырнуть.

Дубина запрыгнул на памятник Островского и самонадеянно сфотографировался на коленях у классика. Лаурыч тоже хотел залезть, но мама не допустила.

Жмуркин оставил длинную запись в журнале посещений.

Иустинья Жохова идти не хотела, а когда Жмуркин все-таки ее уговорил прошвырнуться по тенистым аллеям, была атакована клещом. Клещ не успел впиться в юное тело наследницы пресвитера Жохова, Жмуркин, как настоящий рыцарь, сшиб носителя энцефалита бесстрашным щелчком.

Лаура Петровна отметила, что жил великий русский драматург не шибко, у начальника Департамента культуры дачи и поосанистее встречаются. И посмотрела на Пятахина.

Пятахин украл из музея мельхиоровую ложку и очень этому радовался. Я думаю, это специальная ложка была, для ворья, вряд ли они выложили бы сюда настоящую, но разубеждать Пятахина не стал, пусть радуется.

А вообще у классика было неплохо. Музей, дом-музей, конюшня, немцы фотографировали и дивились, Дитер нарисовал Снегурочку, похожую на Анджелину Джоли, Леля, похожего на Шварценеггера в пике формы, и Мизгиря, похожего на моего любимого актера Брэда Дуриффа.

Кража ложки Пятахину не сошла: спускаясь по барской лестнице, он поскользнулся и потянул ногу.

Пообедали бутербродами, сидя на скамейках у косогора, глядя на просторы. Все молчали, впечатленные настоящей русской красотой, только Пятахин все никак не мог заткнуться, его впечатлила конюшня, и он рассказывал Жоховой про конюшни. Про то, как предки Пятахина безжалостнейше секли предков Жоховой на конюшнях, потому что Пятахины старинный род, а Жоховы, как всем известно, из сиволапых...

– Об этом же все знают! – разглагольствовал Пятахин. – Ее предки разводили собак в Дорофеево и шили из них шапки...

– А у меня была шапка из собаки, – вставил Лаурыч. – Из овчарки!

В конце концов, Пятахин так увлекся, что задел даже Лауру Петровну, указав, что такую фамилию давали только всяким отщепенцам...

На этом месте Жмуркин рассмеялся и ткнул Пятахина в бок двумя пальцами, видимо, джиу-джитсу изучают на курсах управления. Пятахин закашлялся. Со стороны стоянки послышался сигнал автобуса, Штрудельмахер созывал нас в свою колесницу.

В Щельково мне понравилось, немного мрачновато, а так что надо.

Мы загрузились в машину и отправились путешествовать дальше. Автобус катил плавно, лишь иногда подбрасываясь на ухабах. Вместе с ухабами подбрасывалась фундаментальная прическа Лауры Петровны, а я думал, что в мире много несправедливости. Еще думал, что про «сумрачного гения» я где-то уже слышал, или читал, или по телевизору, ну и ладно, кто бросит в меня камень?

А история про Снегурочку была хороша, тетенька, которая ее рассказывала, просто лучилась, люблю таких людей, ну, которые с энтузиазмом. Александра, кажется, растрогалась даже. Заинтересовалась, записывала в тетрадь.

Я пристроил ноутбук поудобнее и продолжил:

«Сумрачный гений Островского произвел на свет прекрасную Снегурочку. Наши немецкие друзья впервые услышали эту чудесную русскую балладу...»

– Смотри чего!

Меня потрогали за плечо. Опять. В проходе опять стоял Пятахин и выглядел особенно отвратительно.

– Я тут придумал, смотри.

Пятахин сунул руку в карман и вывернул из него прозрачную банку, в которой копошилось что-то зоологическое.

– Быдлеска, – пояснил Пятахин. – Я сеструхе показал, ее два раза стошнило. Как?

– Впечатляет, – согласился я.

Пятахин скрутил крышку и вытряхнул на ладонь лягушку. Самую настоящую, зеленую, пучеглазую, себе на уме лягушку, с прищуром.

– Возле памятника поймал, – пояснил Пятахин. – Этому, Островскому. Там их много.

– Молодец, – похвалил я.

– Сандра! – позвал Пятахин. – Сандра, смотри! Культура! Достоевский!

Александра повернулась, помахала рукой.

– А эта Сандра ничего, – подмигнул мне Пятахин. – Даже очень. Такая...

Пятахин прищелкнул языком, затем облизнулся и закинул лягушку в рот.

– И что? – спросил я. – И что, Пятахин? В чем тут культура?

Пятахин выплюнул лягушку на ладонь.

– Не пойдет разве? – спросил он разочарованно.

– Для чего?

– Как для чего, для ютюба. Народу понравится, а? Быдлеска?

– Не знаю. Попробуй. Хотя мне кажется, что тебе еще надо много трудиться. Знаешь, как-то не совсем убедительно. Ты, Пятахин, работаешь над собой?

– Я работаю, – сказал Пятахин. – Вот смотри, могу сразу две. Или одну большую.

Пятахин вытряхнул из банки большую лягушку.

– Большую гораздо сложнее, – сообщил Пятахин. – Просто так не получится, нужно искусство иметь...

– Не в этом дело, – я пытался пресечь представление, но Пятахина, видимо, было не остановить – он выставил язык, красный и широкий, как лопата, и посадил на него лягушку.

Лягушка поглядела на нас с обреченностью.

Мне вспомнилась Баба-яга. И Ивашка, которого она собиралась запечь в духовке.

– Не в этом дело, – сказал я. – У тебя лягушки в банке сидят, зритель может подумать, что это аквариумные лягушки, особые, стерильные. А надо по-другому – ты должен в болоте их наловить и прямо на болоте...

Пятахин переместил лягушку в рот. Александра издали ойкнула.

Со своего кресла высунулся Жмуркин и стал с интересом за нами наблюдать, а потом и подошел.

– Вдохновляет, – сказал Жмуркин. – Это у нас, кажется, поэт?

Пятахин выплюнул одурелую лягушку в банку.

– А как же, – ухмыльнулся Пятахин. – Еще какой.

– Это Пятахин, – напомнил я. – Действительно поэт. Он в конкурсе победил...

– «Звонкий Пьеро», – напомнил Пятахин.

– «Звонкое Перо», – подтвердил я. – Практически Франсуа Вийон, между прочим, многие обратили внимание. В «Знамени» предлагали опубликоваться, сказали, что рупор поколения.

– Интересно как. Может, потом что-нибудь прочитает.

– Непременно, – заверил я. – Поэму «Апрельский пал».

– «Апрельский пал»? – Жмуркин шевельнул бровями. – Однако...

Жмуркин сунул руку в карман, я почему-то подумал, что там у него кастет. Отбиваться от талантливой молодежи поэтического направления.

– Я ищу новые формы, – сообщил Пятахин.

– Это видно. Продолжай, у тебя получается.

Жмуркин поощрительно похлопал Пятахина по плечу, Пятахин кивнул и направился к немцам. Я хотел его остановить, но передумал, пускай. Немцам полезно будет, посмотрят, как мы тут живем, в следующий раз три раза подумают, прежде чем по утрам к нам соваться.

– Он как-то не похож все-таки, – сомневался Жмуркин. – На поэта.

– Есенина тоже не сразу приняли, – сказал я. – И ничего. Вообще-то он хороший поэт, стихи свои читать не любит.

– Это достоинство поэта? – спросил Жмуркин.

– Самое главное. Когда поэт начинает читать свои стихи... Одним словом, это хуже ядерной войны. А наш поэт молчит. Это надо ценить. Ну, если, конечно, попросить, он, может, и читанет что...

Завизжала Александра, Пятахин загоготал. Видимо, он сейчас демонстрировал нашим иностранным друзьям свое яростное искусство.

Автобус опять подпрыгнул, Пятахин громко закашлялся. Александра уже закричала что-то вроде «хильфе-хильфе-помогите».

– О, придурок-то! – провозгласил громко Дубина. – Сейчас сдохнет!

Со своего места Лаура Петровна поднялась и направилась к месту инцидента. Пятахин хрипел.

– Одаренная молодежь, – вздохнул Скопин-Жмуркин. – Я знал, что так и будет. Разберись, а?

Жмуркин устроился в кресле и натянул на голову шапочку с наушниками и наглазниками. Я подумал, что зря не захватил мотошлем, это очень удобная вещь для отсечения: надеваешь – и уже ничего не слышишь, не видишь, – нет, зря оставил.

Пятахин хрипел. Я пошел разбираться.

Ко мне подбежал красный от смеха Гаджиев.

– Пятахин лягушку сожрал, – счастливо сообщил он. – Колесо в канаву попало, он и проглотил!

Гаджиев захохотал. По татаро-монгольски, хлопая себя по коленкам и подпрыгивая от удовольствия.

Пятахин стоял по центру прохода и краснел лицом. Александра смотрела на него с ужасом, Дитер и Болен с тевтонским интересом. Лаура Петровна растерянно.

– Она там шевелится... – прохрипел Пятахин. – Я не хотел.

– Дебил, – констатировала Лаура Петровна и вернулась к своему креслу.

Пятахин осторожно потрогал себя за живот.

– Его сейчас стошнит, – прокомментировал Гаджиев.

– Что происходит? – спросила Александра. – Зачем он скушал лягушку?

– Он, наверное, француз, – предположила Снежана.

– Французы жареных любят, а он сырую слопал, – возразил Дубина.

Иустинья Жохова отложила чтение, строго посмотрела на нас.

– Она шевелится, – повторил Пятахин.

– Животное, – сказала Жохова осуждающе.
– Зачем? – повторила Александра.
– Загадочная русская душа, – объяснил я. – ЗРД, если короче. Настасья Филипповна, помнишь такую?
– ЗРД, – кивнула Александра. – Кушать лягушка... Пятахин – это Настасья Филипповна?
– В какой-то степени да...
Александра вдруг побледнела, схватилась за живот и кинулась к туалету.
А Жмуркин говорил, что закаленная.
– Пятахин! – позвал Жмуркин. – Пятахин, тебе сегодня сухой паек не выдаем!
И все засмеялись.
– Скотина, – презрительно сказала Жохова. – Тупая бессмысленная скотина.
– Говорят, лягушки могут целый час не дышать, – вспомнил Гаджиев.
– Она что, целый час теперь будет шевелиться? – захныкал Пятахин.
– Да не дергайся, – успокоил Дубина. – Она минут через пять уже перевариваться начнет, затихнет.

Пятахин икнул.

Баторцы в дискуссии участия не принимали.

Пятахин снова икнул.

– Я же говорил – переваривается...

Пятахин кинулся к туалету. Дернул за ручку.

– Занято, – ответила изнутри Александра.

– Остановите автобус! – простонал Пятахин и принялся дергать ручку туалета сильнее. –

Остановите!

– Найн! – прохрипела из кабинки Александра. – Не надо!

Пятахин кинулся в корму автобуса.

– Остановите! – велел Жмуркин. – Дядя Леш, останови, а то поэт нам всю амуницию заблюет.

Штурмпанцер нажал на тормоза, автобус остановился. Пятахин со стоном облегчения выскочил из двери и поторопился в кущи.

– Пять минут – остановка, – объявил Жмуркин. – Мальчики – налево, девочки – направо.

– А Пятахин направо побежал, – капризно заметила Иустинья.

– Ну, если так хочешь, можешь идти налево, – разрешил Жмуркин.

Иустинья отвернулась, насупилась и стала читать журнал «Лествица Спасения». Остальные поспешили на воздух, ну, Лаура Петровна, правда, осталась, тоже стала читать журнал «Методический день».

Я вышел.

Солнце светило и даже припекало, автобус был уже несколько забрызган грязью, мимо меня, подпрыгивая, прошагал Лаурыч, налево спешил, бедолага, а не надо было лимонадом упиваться. А вообще хорошо. Упоительно далеко от дома, чувствуется свобода, хочется лететь куда-нибудь...

Я огляделся.

Конечно же, как иначе – Франсуа Пятахин-Вийон проглотил свою лягушку напротив ломи. В прошлом году тут смерч проплясал, наш, кстати, городишко тоже по касательной лизнул, а здесь вообще деревьев не осталось – поломало, как карандаши, угнетающее зрелище. И величественное. И лесу много под шумок попилили...

Из автобуса выскочил Дитер и тут же принялся это все зарисовывать, а Болен попер в кусты, на девчачью, кстати, сторону, я не стал его останавливать, в конце концов, немец, что с него взять.

Показалась и Жохова.

– А, между прочим, эта ваша немка в туалете уже полчаса сидит, – сварливо сообщила она. – А она, между прочим, не одна, тут еще некоторые люди имеются.

– Устинья, посмотри, как много перед тобой природы, – я обвел рукой ломи. – Она вся твоя, пользуйся.

– Я не с тобой разговариваю. – Иустинья сморщилась в мою сторону, поглядела на Жмуркина.

– Ну, мне как-то неудобно... – замялся тот. – И потом действительно природа...

– Значит, нам – под кустом, а им удобства? – еще сварливее осведомилась Иустинья.

На это Скопин не нашелся что ответить.

– Ну-ну, – Иустинья покраснела и стала звонить по телефону.

Из валежника показался Болен с большим мухомором, и сразу же Пятахин с куском коры, похожим на ракету. Живой. Я снял это на камеру, добавил заметку «Путешественники помогают колхозникам убирать бурелом с полей», пусть человечество смотрит, как у нас тут все беспощадно.

Пятахин почему-то прихрамывал, но выглядел, в общем, счастливо и освобожденно. Немного перемазан грязью.

– Живая, между прочим, была, – сообщил Пятахин. – Я ее в лужу выпустил – только так поплыла! Слышь, Устька, она не переварилась еще...

Жохова фыркнула и отошла в сторонку, одной рукой держала трубку, другой четки перебирала.

Болен понюхал мухомор.

– Не, – помотал головой Пятахин и отобрал у немца гриб. – Сырыми нельзя, надо сначала в молоке вымочить, а уже потом жарить.

Болен закивал.

– Зачем вы ЭТО взяли? – спросила Жохова у Жмуркина.

Жмуркин промолчал, а Пятахин нет, подмигнул Жоховой, усмехнулся.

– Не надо так на меня смотреть, Устенка, – сказал он. – Джизас не одобрит.

Жохова удалилась в автобус.

– Пятахин, а ты действительно скотина, – сообщила, высунувшись из окна, Снежана.

– Я поэт, между прочим, а ты сама...

Но назвать Снежану душой Пятахин благоразумно не осмелился.

– Нам пора, – напомнил Жмуркин. – Трогаемся! Все по местам!

Вернулись в автобус и поехали дальше.

Александра не показывалась из туалета, судя по звукам, она там всю рыдала. Мы проехали двадцать километров, а она все рыдала и рыдала, я заволновался, спустился по лесенке и постучал.

– Занято!

Всхлипнула Александра.

Какие нежности, подумал я. Хотя... Хотя для нее это, наверное, шок. Надо сказать Пятахину, чтобы не очень распоясывался. С другой стороны, это Раша, детка, это не Мозамбик, никто вас сюда за уши не тянул.

Я занял свое место и записал в блог:

«После посещения усадьбы Щельково наш поэт Влас Пятахин сочинил прекрасное стихотворение о русской природе».

Тег «Культура».

Из туалета наконец показалась Александра. Выглядела она устало. Ничего, привыкнет. Сама напросилась. Но на всякий приободрительный случай я ей улыбнулся. А она мне в ответ не сумела, добралась до своего места, закуталась в пончо. Мне ее стало жаль, иностранка все-таки, я с ними раньше не общался почти, так, с одной только, она наш город с Галичем спутала.

Лучше Александру сейчас не трогать, пусть отдохнет, ну, хотя бы до того же Галича. В Галиче окунется в древние воды... Ну, как-нибудь придет в себя.

Я улыбнулся Александре мужественной улыбкой и направился гулять по проходу.

Дорога опять началась сильно ухабистая, пробираться с носа до кормы стало трудно, справа налево кидало, и прикинуло к Снежане, она как раз ела хлебец с мантуровским сыром. Снежана из третьей школы, настоящая блондинка, потомница викингов, многие видели ее в своих романтических грезах...

– Чего надо? – неприветливо спросила Снежана.

Собственно, Снежана тоже ничего. Конечно, в нашем родном городе мы с ней находились в разных социальных стратах, она из сословия всадников, я... Ну, переэк, какой-нибудь там, слепота куриная, брат Гонкур. Но вот в автобусе, мчащемся сквозь русские веши в поисках добрых дел, несть ни эллина, ни иудея, в этом автобусе я вполне мог подружиться и со Снежаной. Благо ее Ромео спал, утомившийся рассказом экскурсовода про драматургические будни Островского.

Ничего Снежана, ничего, и очки ей черные идут, я вообще люблю девушек с очками, в очках что-то есть.

– Это правда? – спросила Снежана.

– Что?

– Что это ты быдлески придумал?

– Нет, конечно. Это Ницше.

– А, понятно.

Она посмотрела на меня с восхитительной бессмысленностью и этим мне вдруг понравилась. Если у нее на самом деле мозг в относительно первозданном состоянии – то это просто прелесть, такое редко встретишь в наши тяжелые дни, особенно в третьей школе. А если она ловко притворилась, то это и подавнее, ценнее в три раза, особенно в сословии всадников.

– Мне больше та нравится, где сотовые жарят... – сказала Снежана. – Как она называется?

– «Едоки мобильных телефонов», – напомнил я.

– Смешное название. А что, вы там на самом деле телефоны ели?

– Пришлось. В этом и суть быдлески – все должно быть по-настоящему.

– То есть?

– Все очень просто. Если ты обедаешь на помойке – ты должен там непременно пообедать. Если ты жарить телефон, его нужно непременно съесть. Реализм, в противном случае это не быдлеска, а буффонада. Фейк.

Снежана улыбнулась.

– И как? – спросила она. – Приносит прибыль? Говорят, ты там уже на «Бентли» скопил.

– Сплетни, – отмахнулся я. – Быдлески никакого дохода не приносят, я делаю это только ради искусства. Творчество... Ты знаешь, что такое творчество, Снежана?

Проснулся Дубина, посмотрел на меня с подозрением.

– Где мы? – спросил он.

– Скоро озеро, кажется, – сказала Снежана.

– Я знаю, что такое творчество, – зевнул Дубина. – Нам на боксе рассказывали. Если что, могу показать.

Дубина уставился на меня.

– Не, спасибо, мне и так хорошо. Скоро озеро, Листвянко, говорят, ты с вышки хорошо прыгаешь?

– С какой вышки? – не понял Дубина.

– С парашютной. Отдыхай, дружище.

Дубина вздохнул. Наверное, хотел мне в рог двинуть, но мама в дорогу драться запретила. И правильно.

Я опять отправился к Александре, она скучала на своем месте и немного смущалась.

– Скоро Галич, – сказал я. – Целое озеро целебной воды, окунешься, и печали отступят.

У нас по плану оздоровительное купание.

– Озеро? – заинтересовалась Александра.

– Русский Лох-Несс, – сообщил я. – Здесь водится известный Галичский Монстр...

– Монстр?

– Ага. Когда-то давно здесь упал метеорит, а потом стали пропадать люди. И сейчас иногда пропадают. Это монстр их утаскивает. Там в центре разлом геологический, глубина полтора километра.

– Ого!

Александра написала что-то на листке бумаги, сунула своим соплеменником.

Оба сразу повернулись ко мне.

– Расскажи про монстра, – попросила Александра.

Ну, я рассказал подробнее, что мне, жалко? Про лабораторию под озером, в которой кровавые сатрапы Берии готовили смерть для всего человечества, а не получилось. Потому что на первое мая они выпили весь антифриз из реактора, и он расплавился и взорвался. Ну, а сталинский монстр вырвался и всю бесчинствует до сих пор.

Жмуркин ушел к водителю и стал вещать в микрофон.

– Друзья! Мы подъезжаем к старинному русскому городу Галичу. Галич, как и Москва, основан Юрием Долгоруким, примерно в то же время. Два города-ровесника, а какие разные судьбы! В свое время Галич был столицей удельного княжества Галичского, позже был присоединен к Москве...

Немцы достали камеры, приготовились фотографировать. Наверное, они ожидали, что покажутся многочисленные крепости из красного кирпича, рвы, церкви и прочая экзотика, однако показались, как водится, разрушенные коровники и кособокие свинарники.

Ну и озеро. Оно не преминуло показаться. Я люблю этот момент: озеро появляется всегда вдруг, и всегда кажется, что оно висит в воздухе, и можно не обращать внимания на окрестности, смотреть только на него, на цвет и блеск, обычно оно блестит, как серебряное блюдо.

– В Галиче развита обрабатывающая промышленность, – бубнил Жмуркин, – планируется сделать город рекреационной зоной и развивать туристический кластер...

Где именно развивать в Галиче туристический кластер, я не заметил.

Объехали вокруг озера и спустились к пляжу. Все стали немедленно переодеваться и готовиться нырнуть в глубины, даже водитель Шварцвайс переоделся в длинные купательные шорты и разогревался на песке гимнастическими упражнениями.

Дубина, конечно, выпендрился, встал на руки и сошел в воду на руках, так что все девушки на пляже поглядели на него с уважением.

Снежана вышла на пляж с зонтиком и раскладной бамбуковой скамеечкой, в воду она входить не стала, сидела на песке, полировала ногти.

Я все ждал, пойдет ли купаться Иустинья, однако она отказалась. Дитер и Болен поглядели на нее с сожалением, а Болен даже утешительно погладил по плечу. Иустинья впала в задумчивость, Жмуркин позвал ее еще раз, но она и еще раз отказалась.

– Это потому что у нее чирьи на ногах, – немедленно сообщил Пятахин.

Иустинья фыркнула и отправилась в автобус, читать духовную литературу.

Остальные купаться не отказались, даже баторцы, Рокотова и Герасимов прыгнули в воду и стали сосредоточенно купаться, держась от нас чуть поодаль.

Болен ходил по мелководью и поднимал со дна пивные пробки, к нему неожиданно присоединился Гаджиев. А потом Болен достал свои акваланги и немного понырял у камыша, достал чугуны, ядро и сгнившее коромысло.

Дитер рисовал, в основном Галичского Монстра, похожего на чудовищного осьминога. Осьминог всползал на берег, хватал разбегающихся людишек и отправлял их в свою зубастую пасть.

Александра плавала, очень неплохо, быстро и по-спортивному, резко разворачиваясь ныром, выбрасываясь из воды.

Жмуркин разделся, но в воду забрел по колени, стоял, надзирая за остальными. Жмуркин подкачался. Нарастил мускулатуру, расширил плечи, осанка приобрела начальственный вид, так что если бы кто увидел его сейчас, то вряд ли узнал бы старого Жмуркина.

Купался даже Лаурыч. Он вышел в воды под недреманным оком Лауры Петровны, которая сама окунуться не осмелилась, но за своим отпрыском следила во все очи.

Галичское озеро было тепло и ласково, особенно к вечеру. Мы купались часа четыре, почти до темноты, до вечерних комаров, до тумана, спустившегося с противоположного берега.

Глава 8

Snegurotchka House

«Волга блистала в рассветных лучах, величаво неся свои воды к далекому Каспийскому морю. Белоснежные корабли бежали вдаль по глубоким водам, на волнах покачивались утлые рыбацкие лодки, веяло стариной. Кострома, колыбель русской государственности, встретила нас ласковым солнцем, синим небом, золотом куполов и сахаром стен. Ипатьевский монастырь, выставка Ефима Честнякова, резиденция Снегурочки и прочие достопримечательности, друзья с восторгом встретили и осмотрели эти жемчужины русской культуры».

Так записал я в блоге. Тег «В пути».

А если честно, Кострома встретила нас липким безрадостным дождем и стихами Пятахина. Влас очень хотел доказать, что он лирик не по техпаспорту, а по жизни, и явил на суд публике небольшую поэму, в которой рифмовались «снегурочки» и «дурочки», «пыль» и «мотыль», «крылья» и «забыл я». Пятахин продекламировал это с выражением и объявил, что это прелюдия к его эпической поэме «Апрельский пал», которую он зачитает скоро и неотвратимо.

Стихи и баржа с углем, тошнившая куда-то в пустоту по серой Волге. Как это – быть капитаном угольной баржи, когда вокруг проплывают действительно белоснежные круизные теплоходы, тянущие вдаль беззаботных туристов? Невесело. Если бы капитан, управляя баржей, услышал пятахинские стихи, он бы утопился в гальюне, предварительно открыв кингстоны.

Жмуркин похлопал стихам так искренне, что мне показалось, что ему стихи понравились, раньше он был, помнится, склонен к идиотизации действительности, видимо, эту привычку до конца изжить не получилось.

– А теперь приступим к культурной программе, – улыбнулся он. – Для начала давайте возьмем...

– А ближе всего здесь Снегурочка, – сообщил вдруг Лаурыч. – Буквально две улицы. Мы там с мамой были, там водку в ледяных стопках наливают!

Лаура Петровна дернула Лаурыча за шиворот, Лаурыч мотнулся, как кукла, громыхнул зубами.

– Тогда нам туда! – сказал Пятахин. – К Снегурочке!

– Реально, поедимте к Снегурочке, – подхватил Листвянко. – Там прикольно, мне рассказывали.

– Там ледяной гроб! – продолжал Пятахин. – Все изо льда! И температура минус сорок пять, как на Северном полюсе!

Я бы лично, конечно, отправился в музей, посмотреть на Честнякова, на живопись всякую, но все неожиданно завыли в пользу Снегурочки.

– Но Снегурочка у нас последней по списку...

Жмуркин поглядел на Лауру Петровну, та самоустранилась.

– Тут на самом деле недалеко, на Лагерной, – проинформировал Лаурыч. – Вон за тем домом, туда поворачивать... три минуты.

– На Лагерной? – не поняла Александра.

– Гулаг-Штрассе, – пояснил я. – Тут еще со времен Василия Шуйского застенки были. А теперь в тюремных подвалах сделали резиденцию Снегурочки. Сама увидишь.

Александра написала на бумаге, сунула Дитеру с Боленом, они восхитились. Кто из иностранцев не захочет погулять по Гулаг-Штрассе?

Автобус въехал на улицу Лагерную. Она оказалась вполне себе нормальной, скорее всего тут раньше размещались военные лагеря или пионерские, но рассказывать про это Александре я не стал, зачем лишать родину очарования?

Дом Снегурочки был выдержан в стиле. Неотесанные бревна, закомары, балясины, наличники и прочие украшения, коньки-горбунки, короче. Вокруг врытые в землю столбы, идола из русских народных сказок, Лихо одноглазое и тому подобные берендеи, дубы-колдуны, какие-то грибы поганки и мелкий невысокий народец, похожий то ли на гномов, то ли на ежей-переростков, мне показалось, что их выпилили из небольших чурбаков. Скамейки из ясеня, ворота, которые никуда не ведут. Должен признать, все это было красиво сделано, чувствовалось, что Снегурочка где-то здесь, вот-вот выскочит-выпрыгнет, пойдут клочки по закоулочкам.

Но оказалось, что Снегурочки пока нет. Штатная Снегурочка заболела, а у приглашенной был ненормированный рабочий день, все равно в такую погоду никто не хочет окунуться в ледяной погреб, ну, разве что какой-нибудь оригинал из Копенгагена. Так, во всяком случае, сказал нам распорядитель, второй помощник Снегурочки, если судить по бейджу, Агафон.

Я особо не удивился, что Снегурочка в отпуске, и не удивился, что Жмуркину удалось быстро убедить Агафона пустить нас в ледяной погреб, в конце концов, где еще встретишь целый автобус лопухов в такую погоду?

Тубергерл Рокотова и ее спутник тубербой Герасимов в ледяной погреб спускаться не стали по причине слабого здоровья, Лаура Петровна сказала, что она и в автобусе посидит, остальные вроде были не прочь. Даже Иустинья прельстилась.

Нам выдали совершенно роскошные шубы до земли, не шубы даже, а скорее дохи, тяжелые и пахнущие сельским хозяйством. Мы все обрядились в них и стали похожи на закарпатских партизан. На головы мы натянули такие же мохнатые шапки, дизайном «папа должен умереть», на ноги валенки, сваленные по старинным рецептам в глубинах весьегонской волости из волчьей шерсти. Агафон проверил наше облачение, после чего дал добро на спуск в ледяной ад.

И ведь спустились. Агафон отвалил тяжелые двери, и мы сошли по ледяным ступеням, держась за ледяные поручни, выдыхая космический пар и чувствуя, как глаза изнутри прилипают к векам.

Дом Снегурочки оказался что надо. Сплошной лед. Мебель из льда, сосульки с потолка, ледяная койка, ледяной стол и ледяной столб, и прочая ледяная утварь. Очень сухо и тихо.

В центре подвала потолок немного просел, видимо, по причине летнего времени, и в помощь ему поставили полированный металлический столб, в котором мы все немедленно отразились.

И самовар. Огромный, настоящий, с медалями. Хотя нет, не настоящий, электрический. Но переделанный из настоящего – сбоку торчал шнур с розеткой. Александра сразу устремилась к нему, а я стал прислушиваться к своим ощущениям. Тихо. Мертво. Забыто. Хорошо. Я зиму люблю гораздо больше всякого лета.

– А тут ничего, – сказал Листвянко. – Прохладно так.

Он притянул к себе Снежану, влюбленные обнялись.

– Тут вообще-то чай горячий обычно наливают, – сообщил Лаурыч. – Очень интересные ощущения – сидишь весь в морозе, а чай просто кипятковый.

– Это чайник? – спросила меня Александра, указав на самовар.

– Самовар, – объяснил я. – Зельбст... Зельбстгемахтер... кажется.

Пятахин лег на ледяную постель и выпустил задумчивый воздух.

– Жохова, – позвал он. – Как тебе тут, а? Ты девица к холоду привычная...

Жохова не обратила внимания.

Я обошел Ледяную комнату по периметру, отметил, что есть в ней какой-то смысл, и в общем не зря я тут побывал, вспомню потом, напишу.

Дитер присел на ледяной стульчик и стал рисовать. Он, кажется, везде рисует, красиво и быстро, кажется, что двумя руками сразу. Ледяная комната, а в ней замороженные в лед Снегурочки по правую руку, а по левую инопланетяне замороженные. Низкие, зеленые, глазастые.

Я замерз. Не знаю, но доха мне не особо помогла, как, впрочем, и валенки. Я задрожал и вышел в тепло, на поверхность, сел на завалинку. За мной показался Жмуркин в пару и в морозе, скинул шубу, подул в руки. Затем начали подниматься остальные, Гаджиев, Листвянко...

И все.

Я поглядел на Жмуркина.

Он пожал плечами.

– В Ипатьевском монастыре, кажется, есть чучело шуки, – печально сказал Жмуркин. – Ей двести лет было, когда ее поймали.

– А чучела снежного человека там нет? Того, Кологривского?

– Нет. То есть не знаю, может, где-то в запасниках.

– А как Снежок, кстати? – поинтересовался я.

– Жив, – улыбнулся Жмуркин. – Жив и здоров, морда только еще больше поседела, да шерсть сыплется.

– Время, – сказал я. – Время это...

– Хватит, – помотал головой Жмуркин. – Это смешно. Слушай, а Генка... Ну, он письма пишет?

– Письма?

– Ну да. Ну, то есть вы с ним как-то связываетесь?

Я не успел ответить – из подвала показалась Снежана. В клубах мороза, в белоснежном инее, сама похожа на Снегурочку, я не удержался и сфотографировал.

Тег «Удивительное рядом».

Снежана смеялась. Чистосердечно так, от души, в смущении прикрывая рот ладошкой, совсем как завещал старик Островский приличным бесприданницам.

– Что? – осторожно спросил я. – Там что-то...

– Там Пятак... Короче, это надо видеть.

Снежана сбросила шубу и кивнула на лестницу. Жмуркин немного посерел.

Из подвала появилась Иустинья. Она тоже улыбалась, самодовольно так, просто лучилась внутренней радостью, что лишний раз убедило меня в подозрениях насчет недоброго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.